

СВЕТ ЕВАНГЕЛИЯ

№4 (156) декабрь 2022

Light of the Gospel

(1 Пет. 2:20-21)

«...Но если, делая добро и страдая, терпите, это угодно Богу. Ибо вы к тому призваны, потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, чтобы мы шли по следам Его»

Стр. 7

Читайте в номере:

Зачем Бог допускает страдания? В. М. Хорев	3
Доверие Богу удаляет панику А. Стовбырь	6
Божья цель в наших страданиях С. Сэйт	7
Голова и сердце Р. А. Беннетт	9
«Ниневитяне» села Подгорного; Времена изменились... С. Н. Савинский	10
Потеря А. Савельев	11
Проповедовать о молитве или молиться? Р. А. Беннетт	13
Мой путь к Богу А. Крещенко	14
Книгоноши Т. Каширина	15
Никогда не рано говорить о спасении А. Еременко	17
Благословение упования и минута сомнений А. Осельский	18
Под колесами жизни Л. А. Петренко	22
Отец сирот Е. Карабанова	24
Вопрос-ответ: Согласен, но... Н. Водневский	27
Вопрос-ответ: Почему гибнут дети? П. Тупчик	28
Питання для християн перед одруженням Д. Пайпер	29
Свидетельство бывшего вора в законе по кличке «Москва» Н. К. Иванников	31

СВЕТ ЕВАНГЕЛИЯ

№ 4 (156) декабрь 2022

¹ В те дни приходит Иоанн Креститель и проповедует в пустыне Иудейской

² и говорит: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное.

³ Ибо он тот, о котором сказал пророк Исаия: глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему.

⁴ Сам же Иоанн имел одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих, а пищу его были акриды и дикий мед.

⁵ Тогда Иерусалим и вся Иудея и вся окрестность Иорданская выходили к нему

⁶ и крестились от него в Иордане, исповедуя грехи свои.

⁷ Увидев же Иоанн многих фарисеев и саддукеев, идущих к нему креститься, сказал им: порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от будущего гнева?

⁸ сотворите же достойный плод покаяния

⁹ и не думайте говорить в себе: «отец у нас Авраам», ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму.

¹⁰ Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубят и бросают в огонь.
Мф. 3 гл.

Ответственный за печать
Дмитрий Волошенко

© Все права закреплены за Богом.

Используйте, копируйте и распространяйте все материалы из этого издания для исполнения повеления Христа:

“Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие. Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет”
Марка 16:15-16

Предыдущие журналы можете читать по адресу:
http://lightofthegospel.com/?page_id=1523

Когда Петр узнал, что Господу предстоит через страдания войти в славу, он сказал: «Будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою!» (Мф.16:22). Эти слова говорят о том, что ученики не постигали смысл страданий. Зачем нужны страдания, и в чем же смысл бедствий в жизни любящих Бога? Когда беды приходят на нечестивых, как возмездие за их поступки, все понятно: есть преступление – и есть наказание. А в жизни любящих Бога нет преступления, но есть наказание в виде бедствий (например, в жизни Иова). В Писании находим десять сакральных духовных смыслов бедствий и бед.

Две истории бури на море, которые были связаны с учениками, и записаны в Евангелии от Марка в 4 и 6 главах.

1) «Вечером того дня сказал им: переправимся на ту сторону. И они, отпустив народ, взяли Его с собою, как Он был в лодке; с Ним были и другие лодки. И поднялась великая буря; волны били в лодку, так что она уже наполнялась [водою]. А Он спал на корме на возглавии. Его будят и говорят Ему: Учитель! неужели Тебе нужды нет, что мы погибаем? И, встав, Он запретил ветру и сказал морю: умолкни, перестань. И ветер утих, и сделалась великая тишина. И сказал им: что вы так боязливы? как у вас нет веры? И убоились страхом великим и говорили между собою: кто же Сей, что и ветер, и море повинуются Ему?» (Мк. 4:35-41).

Из этой истории вытекает два простых, но важных, урока. Когда Господь сказал: «Переправимся», – Он знал,

что будет великая буря на море. Богу открыто все будущее, как прошедшее. Когда Он каждого из нас позвал: «Следуй за мной!», – Он знал все наши беды и бедствия, с которыми мы встретимся. Но Бог также рассчитал наши силы – ведь Он знает ширину наших плеч, способных нести крест. Путь, который начинается с Господом, всегда хорошо заканчивается. Первый урок – упование на Бога. Упование на протяжении всей жизни через поругание, отвержение и предательство: это и буря великая на море, и Гефсиманский сад, и Голгофа. Это путь через страдания в славу. И если ты рядом со Христом, когда в Него плюют, то какой-то плевков и в тебя попадет. И если ты рядом, когда Христа бьют, то какая-то пощечина и тебе достанется. Это не путь в безмятежное, сытое, довольное христианство. Сегодня есть много проповедников социального Евангелия, внушающих, что если ты дитя Божие, то у богатого Бога не может быть бедных и больных детей. Это учение ничего общего не имеет с истинным евангелием Иисуса Христа. В следовании за Ним Бог обязательно проведет и через великую бурю, и через великие бедствия. И каждый понесет свой крест. В каждой семье свой крест и своя чаша испытаний. Никто не понесет чужой крест...

Другой важный урок: когда мы Христовы и в одной с Ним ладье, то великая буря превращается в великую тишину. Поэтому мы с оптимизмом смотрим в свое будущее. Поэтому апостолы писали, что нам дано право не только верить, но страдать за Него. Этого права

ЗАЧЕМ

Бог допускает страдания?

– пострадать за Христа – надо удостоиться. Когда мы придем в небо, мы будем вспоминать не о ресторанах, в которых обедали, и не о пляжах, на которых отдыхали. Мы будем вспоминать о тех страданиях, которые мы удостоились понести со Христом; и будем сожалеть, что отрекались от Него, стыдились и не исповедовали имя Его.

2) Вторая история не менее поучительна: *«Вечером лодка была посреди моря, а Он один на земле. И увидел их бедствующих в лавани, потому что ветер им был противный; около же четвертой стражи ночи подошел к ним, идя по морю, и хотел миновать их. Они, увидев Его идущего по морю, подумали, что это призрак, и вскричали. Ибо все видели Его и испугались. И тотчас заговорил с ними и сказал им: ободритесь; это Я, не бойтесь. И вошел к ним в лодку, и ветер утих. И они чрезвычайно изумлялись в себе и дивились, ибо не вразумились [чудом] над хлебами, потому что сердце их было окаменено»* (Мк. 6:47-52).

Иисус Христос, отправив учеников на тот берег, остался Один, чтобы помолиться. Когда Он был в молитве, то увидел их бедствующих. Когда мы попадаем в зону духовной турбулентности, Господь видит всех святых бедствующих. Страданий не миновать ни одному ученику, которого Господь позвал в школу ученичества! Например, молодой миссионер на Таймыре утонул в возрасте 26 лет, семья осталась без отца. Как такое может быть? Дом благочестивой семьи сгорел. У од-

ного миссионера угнали машину. В семьях многих служителей рождаются дети-инвалиды. Почему так? Для чего? За что? У нас очень много вопросов. В жизни есть такие ситуации, когда любые утешения жалки. И самая большая мудрость – прийти в дом скорби и помолчать. Но ключевая мысль: Господь видит их бедствующих и приходит к ним. И Он все меняет. Бог не обещал, что у последующих за Ним будет безмятежная жизнь. Бог обещал другое: *«...с ним Я в скорби»* (Пс. 90:15). Это значит, что Бог входит в нашу скорбь. Бог обещал: *«В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир»* (Ин. 16:33). Есть одно утешение для избранных, терпящих бедствие: временами скорбей и покоя управляет Господь.

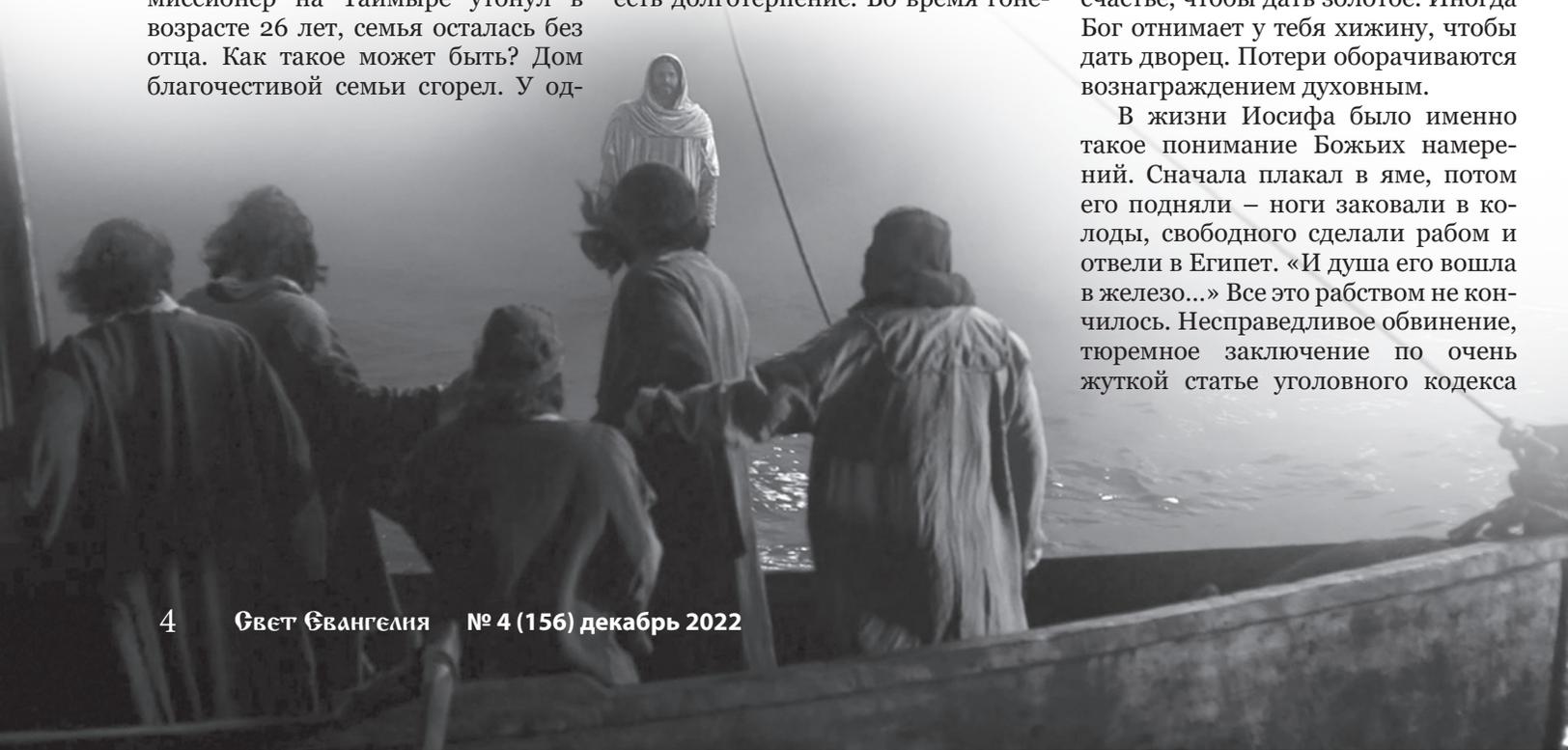
Если сегодня в вашей жизни тихо, спокойно, сыто, довольно, происходит карьерный рост и вы переживаете материальное изобилие – не всегда так будет. Бог управляет ветрами северным и южным. Если у нас только южный ветер, то наша жизнь превратится в пустыню Сахара. А если только северный ветер – то это Магадан. Так вот, чтобы мы состоялись как христиане, нужно и благоденствие (изобилие и тишина), и страдание (беды и бедствия). И вот Господь эти вещи чудным образом соизмеряет в нашей жизни. Бог заботится о том, чтобы мы принесли плод. А плод может принести только человек скорбей, у которого есть долготерпение. Во время гоне-

ний идет очищение. Во время свободы церковь умножается. И Господь допускает для церкви и одни времена, и другие. Для всех скорбящих придут времена отрады – это наше упование во время скорбей. Когда терпим страдание, то надо напоминать друг другу, что не всегда так будет (Иов. 8:21). Когда уроки будут усвоены, тогда класс под названием «Страдание» кончится – и Господь выведет из этих обстоятельств.

И еще нужно помнить, что Бог на все имеет право. *«Не от уст ли Всевышнего происходит бедствие и благополучие? Зачем сетует человек живущий? всякий сетуй на грехи свои. Испытаем и исследуем пути свои, и обратимся к Господу»* (Плач Иер. 3:38-40). Бог имеет право посылать и бедствие, и благополучие. За всеми бедствиями стоит Бог. Он наносит нам раны, и Он перевязывает их. И Он ни перед кем не отчитывается.

И большое утешение – Бог все делает с добрым намерением: *«Знаю, что Ты все можешь, и что намерение Твое не может быть остановлено»* (Иов. 42:2). Пройдя класс «Страданий», Иов постиг эту важную истину – намерение Божье всегда во благо, а не на зло. И оно не может быть остановлено. Все, что задумал Бог в нашей жизни, оно осуществится. Но конец этих намерений всегда добрый, даже если сегодня мы не все понимаем. Иногда Бог отнимает у тебя серебряное счастье, чтобы дать золотое. Иногда Бог отнимает у тебя хижину, чтобы дать дворец. Потери оборачиваются вознаграждением духовным.

В жизни Иосифа было именно такое понимание Божьих намерений. Сначала плакал в яме, потом его подняли – ноги заковали в колоды, свободного сделали рабом и отвели в Египет. *«И душа его вошла в железо...»* Все это рабством не кончилось. Несправедливое обвинение, тюремное заключение по очень жуткой статье уголовного кодекса

за моральное растрепывание. Несправедливость, двадцать лет страданий – и вдруг Иосиф постиг тайные Божьи намерения в своей жизни. И когда у него родился первенец Манассия, он сказал такие слова: «Бог дал мне забыть все несчастья мои!» Рождается второй сын Ефрем, и он сказал: «Бог сделал меня плодотворным в земле страданий». На первом месте Бог. Бог не ошибается. Когда он открылся братьям своим, то сказал: «Бог послал меня перед вами, для сохранения вашей жизни». Бог поставил Иосифа господином над всем Египтом... Умирает отец Иаков. У братьев дрогнуло сердце – но Иосиф опять указывает братьям на Бога: «...не бойтесь, ибо я боюсь Бога; вот, вы умышляли против меня зло; но Бог обратил это в добро, чтобы сделать то, что теперь есть: сохранить жизнь великому числу людей; ...не бойтесь: я буду питать вас и детей ваших. И успокоил их и говорил по сердцу их» (Быт. 50:19-21).

Итак, участие Бога в нашей жизни. Только Бог знает, как конвертировать зло в добро. Любая черная полоса в нашей жизни становится взлетной полосой для новых успехов. И путем нашего восхождения рождаются новые песни хвалы, новая книга «Счастье потерянной жизни». Все великое в христианстве родилось в страдании. Все великие песни написаны кровью мучеников и узников.

И главное утешение для всех верных, терпящих бедствие сегодня – Христос избавит нас от грядущих на вселенную бедствий, и мы должны с оптимизмом смотреть в свое будущее. Нам не нужно сушить сухари на великую скорбь. Нам нужно готовиться к пришествию Христа, а не к великой скорби. Вот в этом наша радость и славное упование. Если сегодня кто-то переживает скорби и беды, если вашу ладью жизни бьют сильные волны – Господь видит вас бедствующих, позовите Его на помощь, помолитесь. Найдите время для молитвы – это время для переосмысления своей жизни: позвать Господа на помощь, сделать еще более глубоким свой корень и найти в Боге источник утешения.

Апостол Павел показывает семь направлений скорбей, которые встречаются в жизни христиана: «*Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? как написано: за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, [обреченных] на заклание. Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас*» (Рим. 8:35-37)

Скорбь – это беды и бедствия, обстоятельства непреодолимой силы, возникающие в жизни каждого из нас.

Темнота – когда нас теснят законами против миссионерской деятельности. Для того, чтобы осуществлять миссионерскую деятельность, надо дорого платить. Церковь поставлена в стесненные обстоятельства. В Москве 5 миллионов мусульман; но в Азербайджане, если

был Отцом сирот и вдов и сохранил детей и мать.

Нагота – это моменты, когда нет возможности одеться. Нет не только продуктов питания, но и одежды. Разоряется имущество.

Опасность – их много разных. Сегодня опасно называться христианином во многих мусульманских странах. В Пакистане сажают в тюрьму за «богохульство» на Мухамеда пророка – короткую проповедь о том, что Иисус отдал за нас жизнь Свою, а пророк Мухамед нет. Этого достаточно для смертной казни.

Войны – были, есть и будут. Много горячих точек на Земле, но Господь хранит уповающих на Него.

И нормальная жизнь Церкви – это когда мы силою Возлюбившего нас все преодолеваем и остаемся верными Богу не до первого штрафа, а до смерти. «*Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни*» (Откр. 2:10).

будешь проповедовать о Христе, заплатишь штраф в 2 тыс. евро.

Гонения – дела мира по отношению к христианам. Сегодня гонят христиан в Сирии. Разоряют имущество христиан в Индии. Разрушается каждый день Дом Молитвы в Архангельске – это тоже скрытое гонение, узаконенное беззаконие.

Голод – физические полосы голода. Семья моего отца пережила блокаду Ленинграда. Моему отцу было 7 лет, когда они остались без отца. В их семье было четверо детей. Их соседи умерли, а семья моего отца осталась живой не из-за больших запасов, а потому что Господь Бог

Следуя за Христом, не приходится рассчитывать на легкую жизнь: «*Сие сказал Я вам, чтобы вы имели во Мне мир. В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир*» (Ин. 16:33). Господь не обманул Своих последователей. Когда Господь объяснял одну из почв сердца человека в Притче о сеятеле – она была представлена как посеянное слово на каменистом месте. Это представляло принявших слово с радостью, но соблазвившихся и отпавших в скорби или гонении. Иллюзии и мечты не оправдались действительностью – рассчитывая на легкую жизнь, ты соблазнился в скорбях и

перестал быть учеником Христа.

Христос открывал ученикам Своим, что Ему должно много пострадать от старейшин, первосвященников, книжников. И быть убитым и в третий день воскреснуть. Интересно, что тема скорбей ученикам была непонятна. Христос пригласил их в школу «Ученичества» и переводил из класса в класс – класс «Молитвы» (Нагорная проповедь и молитва «Отче наш»); класс «Учение» (открывал им различные притчи, учил исследовать Писания); класс «Добродетели» и «Смирение» (на примере доброго самарянина призвал к милосердию и смирению); класс «Прощение» (чтобы быть прощены, надо уметь прощать от сердца); класс «Милосердие» (на примере взятой в прелюбодеянии блудницы Христос показал, что бросить камень может каждый, но простить может не каждый); класс «Свидетельство» (посылал учеников по двое на проповедь, на примере беседы с самарянкой показывал ценность каждой души перед Богом); класс «Посвящение» для сдачи экзамена и класс «Служение» (омывая ноги ученикам, Иисус показал, что больше из них тот, кто больше служит).

И вот, последний класс в

школе «Ученичества» – это класс «Страданий». И хотя времена другие, но плоть у нас у всех одинаковая, ее надо учить быть готовой страдать. Читаем в Деян. 14:20-22, как апостолы учили поместные церкви: утверждали души учеников пребывать в вере – это первое направление; говоря, что многими скорбями надлежит войти в Царствие Божие – это второе направление. Скорби закаляют нашу веру. Людям дана привилегия верить и страдать за Христа.

Во многих детях Божьих современности сидит внутри желание, чтобы на церковь смотрели как на влиятельную силу в обществе. Это говорит о неправильном курсе. Внутренний настрой должен быть не на влиятельную церковь, а на верную церковь. И царей, и правителей поставляет и низлагает Бог. Если Церковь отделена от этого мира и находится со Христом за станом, она будет процветать при любом правителе. Чем хуже правитель – тем больше благословений. Гонения закаляют Церковь, а свобода разрушает и разлагает изнутри. *«Итак прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков, за царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную*

во всяком благочестии и чистоте, ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1 Тим. 2:1-4).

И если мы взяли курс на верность Христу в страданиях до смерти, тогда мы будем славную, побеждающей Церковью, которая оказывает влияние на души собственных детей. Тогда наши дети будут видеть в нас настоящих христиан, которые не уклоняются с узкого пути.

Итак, основная причина, почему Бог допускает беды и бедствия – чтобы ввести учеников своих в школу практического упования и верности Христу не на словах, а на деле. Курс только на победу, только на прославление имени Бога. Не должно быть пораженческих настроений. Любая трудность должна нас делать сильнее и давать желание служить еще большему процветанию Церкви, твердо стоящей в проломе и защищающей дело Божие. Господу слава да будет во веки веков!

В. М. Хорев
2020 г.

Доверие Богу удаляет панику

«Я сказал им: сила их – сидеть спокойно» (Ис. 30:7)

Человеческий страх не знает вообще границ. Наши воображения способны рисовать самый каверзный сценарий, даже когда нет никаких предпосылок для волнений; а уж если есть хоть малейший повод – тогда фантазию не остановить! Взлет чужаков в народе очень четко показал, как хрупок мир, в котором мы живем. Вирус паники разлетается с космической скоростью, он стал намного сильнее и сокрушительнее самого заболевания. Паника не оправдана ни

при каких обстоятельствах жизни – она разрушает веру, мешает здраво мыслить и правильно реагировать на обстоятельства.

В этом беспокойном мире, потрясаемом различными катаклизмами, переменами и страхами, христианин должен оставаться спокойным, надеясь на милость Бога. Во все века люди совершают одни и те же ошибки, стараясь опереться на помощь человека, забывая о том, что нет более твердого основания во вселенной, чем упование на Творца,

БОЖЬЯ ЦЕЛЬ

в наших страданиях

Первая часть плана

Страдающие хотят, чтобы их утешали те, кто сам пострадал. К живущим беззаботно они относятся с подозрением. Вот почему Иисус, живя на земле, пережил все, что можем пережить и мы. Он полностью отождествился с нами во всем, кроме греха. *«Ибо что за похвала, когда бьют вас за проступки? Но если, делая добро и страдая, терпите, это угодно Богу. Ибо вы к тому призваны, потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, чтобы мы шли по следам Его» (1 Пет. 2:20, 21).*

Если мы намерены подражать нашему Спасителю, мы должны

создавшего этот мир. Доверяясь Богу, мы выигрываем сложную ситуацию в жизни: *«Ибо так говорит Господь Бог, Святой Израилев: оставаясь на месте и в покое, вы спаслись бы; в тишине и уповании крепость ваша» (Ис. 30:15).*

Нет большего счастья на земле, как твердо верить, что обо всех наших нуждах печется небесный Отец! Он сказал: «Все заботы ваши возложите на Меня». Христос точно знает ход событий наперед. Библия открывает нам, что Бог вникает во все нужды, поэтому «надежда не постыжает» уповающих на Него! Люди будут «издыхать от страха» грядущих событий, но христиане вверяют свою жизнь в руки Всемогущего Бога и говорят: *«Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня» (Пс. 22:4).*

отождествиться с теми, кому мы несем Благою Весть спасения. Я не рекомендую умышленных поисков страдания, потому что жизнь и так несет нам немало страданий, но страдание является важной и даже обязательной, неотъемлемой частью служения страждущим людям.

Мой отец был пилотом-миссионером, одним из пяти убитых индейцами из племени Уаодани в Эквадоре в 1956 году. Смерть пяти

миссионеров произвела удивительную перемену в жизни членов племени Уаодани после того, как моя тетя Рахиль, сестра отца, и Елизавета Эллиот, вдова погибшего с отцом друга, были приглашены племенем, чтобы научить их Божьей «резьбе». Это широко известная история, описанная в книге, по которой был даже сделан в свое время фильм.

Помню, когда мне было всего пять лет, мама позвала меня и общила, что мой герой, человек, которому я мечтал подражать во всем, когда вырасту, никогда не вернется к нам.

Я возразил:

– Но ведь он обещал научить меня летать! Как же так?

Мама сказала, что отец живет теперь с Иисусом. Я знал уже тогда, что это то, чего мы все ожидаем когда-то в будущем; но я не мог понять, почему отец не взял нас с собой.

Бесчисленное множество людей ощутило влияние этого случая. Тысячи миссионеров называли эту историю причиной, почему они решили откликнуться на Божий призыв. Наша семья получила благословение от любви и близости народа Уаодани. Один из членов племени, именно убийца моего отца, туземец по имени Минкаэ, стал теперь тем, кого мои дети называют своим дедушкой. Все это было в Божьем плане.

Многие люди думают, что когда с

Какое благо жить под кровом Всевышнего, «под сенью Всемогущего покоиться» (Пс. 90:1), осознавая, что «от уст Вседержителя происходит бедствие и благополучие» (Пл. Иер. 3:38).

«Сидеть спокойно» – это доверяться обетованиям Иеговы, твердо знать, что «Он избавит тебя от сети ловца, от губительной язвы» (Пс. 90:3). Когда «опустошительная зараза» косит человечество – под крыльями Его полнейшая безопасность.

«Сидеть спокойно» – это «не бояться ужасов в ночи», потому что «Ангел Господень ополчается вокруг боящихся Его»!

Александр Стывбырь

ними происходит что-то плохое, это просто «Бог допустил». Но я не верю, что Бог просто проявил терпимость к смерти моего отца. И не допускаю мысли, что Он отвернулся, когда происходило его убийство; но верю, что Он самовластно и сознательно руководил событиями ради Своей славы и, в конечном счете, на благо нам и племени, убившему пять Его служителей.

Сперва мне было трудно понять, осознать и принять это. Но когда я прочитал, как апостол Петр, обращаясь к израильскому народу, говорит: *«Мужи Израильские! Выслушайте слова сии: Иисуса Назорея, Мужа, засвидетельствованного вам от Бога силами и чудесами, и знаменами, которые Бог сотворил через Него среди вас, как и сами знаете, Сего, по определенному совету и предведению Божию преданного, вы взяли, и, пригвоздив руками беззаконных, убили...»* (Деян. 2:22, 23).

Я понял и принял. Если Бог мог запланировать смерть Своего единородного, праведного Сына, почему бы Он не мог допустить смерть моего отца?

Другая часть плана

У нас с моей женой Джинни было три сына. И, наконец, через некоторое время родилась

дочь Стефани, с которой я взял шутливое обещание, что она никогда не вырастет. Все папы любят своих дочек и держатся за них как можно дольше, оберегая от опасностей. Но она нарушила «обещание», выросла, как вырастают все дети, и уехала учиться в колледж. Потом организация «Молодежь для Христа» (Youth for Christ) пригласила ее на год в миссионерское путешествие по миру, так как она играла на пианино и гитаре.

Этот год был трудным для нас. Я хотел, чтобы дочь была с нами дома, потому что знал, что когда-то она выйдет замуж и уйдет из семьи. Она была высокого роста, с изящной фигурой и красива. Они с матерью были подругами. Она была наша «бэби».

Наконец, год прошел, и она возвращалась домой в Орландо. Джинни и я встречали ее в аэропорту. «Дедушка» Минкаэ был тоже с нами. Он нетерпеливо подпрыгивал со своими длинными дырами в мочках ушей от бывших в них когда-то круглых дощечек и с пером в головном уборе. Стефани прилетела, и мы отправились домой на радостную встречу со всей семьей.

Позже я встретился с нею в коридоре, и она просто склонила свою голову мне на грудь и сказала: «Пап, я люблю тебя». Мне показалось, что моя жизнь никогда уже не будет более полной, чем в тот момент.

Спустя некоторое время Джинни сказала мне: «Стефани лежит в своей комнате и жалуется на сильную головную боль. Пойдем и посидим с нею». Мы оставили всех и пошли к ней. Джинни села на кровать и дер-

жала Стефани в своих объятиях, а я обнял этих двух женщин, которых я любил всем сердцем, и мы начали молиться. Во время молитвы я почувствовал, как тело Стефани напряглось, и она вскрикнула от боли. Ее глаза закатились, и мы тут же вызвали скорую помощь. Медики доставили ее в местную больницу. Я ехал с ними, а Джинни, Минкаэ и наш сын Джейми ехали следом за нами на своей машине.

Дедушка Минкаэ не понимал, почему посторонние люди вбежали в дом и увезли Стефани. Потом он увидел ее в больнице на носилках с трубкой в горле и иглами в руке. Он схватил меня за руку и спросил: «Кто причинил ей это?» Я не знал, что ответить, и сказал: «Не знаю, Минкаэ. Ей никто ничего не причиняет».

Он снова схватил меня и спросил возбужденно: «Разве ты не видишь?» Нет, я действительно ничего не видел. Мое сердце рвалось на куски. Я не понимал, ЧТО происходит.

Минкаэ сказал: «А я вижу все хорошо. Неужели ты не видишь? Это делает Сам Бог!» Он начал обращаться ко всем людям в комнате ожидания: «Люди, люди, да разве вы не видите? Бог любит Стефани, это Он забирает ее к Себе. Посмотрите на меня, – продолжал он, – я старик и скоро тоже умру, и пойду туда же. Я прошу вас, пожалуйста, вы тоже следуйте Божиим путем. Прибыв в Божий дом, я и Стефани будем приветствовать вас там при встрече!»

Наконец, пришел врач и сказал, что у Стефани было излияние крови в мозг и у нее нет никакой надежды на выздоровление. Это был тот момент, когда мне оставалось либо перестать верить, либо показать, что Бог, Который отдал Своего единородного Сына на смерть ради моего спасения, достоин моей веры, любви и полного упования на Него.

После того, как моя дочь умерла, я наблюдал за тем, как разворачивался Божий план. Моя жена тоже приняла это, как Божию волю и Его план. Иногда верующие полагают, что, когда мы делаем то, что нужно, то есть поступаем правильно, Бог обязан лишить нас страданий. Но я перестал в это верить. Это заблуждение! Бог ничем нам не обязан и ни-

чего нам не должен. Я верю, что по Его суверенной (независимой) воле Он допустил и это в нашей жизни для нашей же пользы.

Взгляд в сердце Бога

Еще за годы до смерти Стефани люди просили меня проповедовать. Я говорил, но ощущал, что в моем сердце что-то отсутствует: я не видел мир таким, каким его видит Бог. «Я не могу продолжать, – сказал я Джинни однажды. – Я говорю к людям от головы, а не от сердца. Я не могу говорить до тех пор, пока во мне не загорится огонь к тому, что я делаю».

Я начал молиться: «Боже, дай мне Твое сердце в отношении к окружающему миру. Я вижу его и в какой-то мере подчеркиваю его состояние, но я не чувствую горения или страсти к тому, что я говорю и делаю». Я понятия не имел, как Он это сделает, да и сделает ли вообще, но я умолял Бога позволить мне увидеть Его сердце.

Будьте осторожны, когда вы что-

то просите у Бога. Бог изменил мое сердце через утрату моей дочери. Он сокрушил его. Он порвал его на куски и в процессе этой работы над моим сердцем помог увидеть то, что видит Он. С Божьей точки зрения, Он разлучен с теми, кого Он любит, но которые не признают Его и не верят в Него – так же, как я разлучен с моей дочерью. Он, Творец вселенной, любящий Отец, отдавший за спасение мира Своего едиnorodного Сына, ежедневно ощущает боль от разлуки с теми, кто отвергает Его. Он знает, что эта разлука будет вечной, если они не поверят в Его любовь и не примут спасения в Его Сыне.

Не знаю, какую роль играет Бог в вашей жизни, но я знаю, что какую-то роль Он играет. Пламя Его заботы о мире и Его любви к нему выражено в Великом поручении, которое Он дал всем Своим ученикам, даже таким неуверенным в себе и несмелым, каким был я. Он сделал нас Своими посланниками примирения, а страдание дает нам достоверность, вызывает доверие к нам

страдающего мира и являет Божию достаточность для восполнения всех наших нужд.

Как легко и просто понимали это уверовавшие в Спасителя убийцы пяти миссионеров, в числе которых был и мой отец! Какая уверенность в том, что он и Стефани будут с Господом на Небе, была в словах Минкаэ, этого примитивного человека, бывшего дикаря, пронзившего своим копьем сердце моего отца! Все это совершила любовь жен и сыновей убитых к тем, кто в неведении убивал «белых», в которых они тогда видели угрозу себе. Сердце любящего Бога Отца открылось и им, как открылось мне после смерти нашей дочери. Да откроется оно и вам, чтобы вы тоже увидели этот мир таким, каким его видит Бог!

Стив Сэйт

(с англ. Вера Кушнир)

Недалеко от нашего дома стоял фонарь, под которым некогда мой четырнадцатилетний приятель Боб Флинт также принял Христа. Это событие поразительно изменило его жизнь. К тому времени Боб уже не ходил в школу, а работал чернорабочим на стройке. Его никак нельзя было назвать большим любителем чтения.

Тем не менее, вскоре после того как Боб стал христианином, я смог убедить его каждое утро перед уходом на работу читать Библию. Не имея абсолютно никакого церковного окружения, Боб вскоре научился получать пищу для своей духовной жизни из ежедневного личного общения со Словом Божьим.

Неудивительно, что в возрасте семнадцати лет, поступив на заочные курсы по изучению Библии, Боб получил высшую оценку за реферат по книге пророка Даниила. Как я был счастлив узнать, что, когда в 18 лет его призвали в армию, он продолжал усердно служить Господу. За первые два месяца в лагере новобранцев он молился с каждым из семнадцати солдат, живших в его казарме, и те в свою очередь шли проповедовать Христа. Закончив военную службу, Боб почувствовал призвание начать миссионерскую работу. Однако военный самолет, на котором он летел в Германию, разбился, и Боб вернулся в свой вечный дом, к своему Господу.

Неподалеку от места, где упал самолет, нашли выпавшие из сумки Боба брошюры и буклеты, которые разлетелись по всей округе. Да, действительно, Слово Божье перешло из рук Боба в его голову, а оттуда – в его сердце;

Голова и сердце

и, наконец, из его сердца – в сердца других людей. Когда Боб умер, он перешел из ограниченных человеческой природой отношений с Господом в более чудесное, безграничное общение в присутствии Божьем!

Как и Боб, многие люди сегодня имеют возможность изучать Библию, и это помогает им в их христианской жизни. Большинству из нас не нужно идти, подобно африканским пасторам, по пятнадцать часов под солнцем экватора, чтобы услышать Слово Божье. Но каковы бы ни были наши обстоятельства, мы все должны научиться преобразовывать библейские знания в опыт сердца.

Я благодарен Богу за то, что в начале моей христианской жизни Он показал мне разницу между простым изучением Библии и временем живого общения с Богом. Хотя в нашем прикосновении к Слову Божьему в одинаковой степени должны участвовать и голова, и сердце, важно понимать, что знания без участия сердца не приведут к духовному росту.

Ричард А. Беннетт

Весной 1990 года село подверглось стихийному бедствию: начались разрушительные оползни. Многие стали покидать дома и уезжать. В 1992 году оползни повторились, так что от бывшего села осталась лишь незначительная часть, но молитвенный дом еще стоял. Наконец и изба, и молитвенный дом стали растрескиваться.

«Ниневитяне» села Подгорного

Сергей с Люсей ровно через десять лет покинули село. Верующих оставалось шесть душ, которые переселились жить в новый поселок в двух километрах от села. Сергей еще в течение двух лет в летнее время посещал сестер с совершением Вечери Господней и поддерживал их духовно.

Когда начались оползни, некоторые неверующие спрашивали Сергея:

– Почему село стояло 120 лет и не разрушалось, а теперь вдруг такое бедствие?

Сергей на это отвечал однозначно:

– С селом случилось то же, что с библейской Ниневией. От проповеди Ионы люди покаяться, и Бог отменил решение о ее разрушении. Но потом через несколько лет новое поколение жителей Ниневии, невнявшие голосу Божию, были подвержены основательному наказанию. Вот смотрите и думайте. Вы думаете, напрасно звучал здесь голос Божий в 20-е годы? Село процветало, и церковь росла. Звучал голос Божий в эти 10 лет к новому поколению. А много ли покаяться? Вот и разрушение на ваших глазах. Чем вы его остановите?

Времена изменились...

Как-то летом Сергея разыскивала в Подгорном бывшая третий секретарь Райкома партии (теперь старший методист Района) как раз по вопросу предложений Сергея (как же быстро атеисты «перекрасились»!) В этот же день состоялась встреча с ней и начальником Района. Последний спросил, кем является Сергей, на что получил ответ, что Сергей – служитель единственной в районе маленькой общины евангельских христиан-баптистов.

– Да, да! – ответил. – Тех самых баптистов, которые приносят в жертву детей, проводят в закрытых «модельных» беспутные оргии и прочие изуверства. Да! Ведь об этом много писали в советской прессе, показывали фильмы, в антирелигиозных лекциях характеризовали служителей общин баптистов как отсталых, малограмотных людей. Но вот перед вами человек с высшим образованием, с дипломом, какой имеют многие из вас, который проработал тридцать лет в сфере изучения минерально-сырьевых ресурсов страны на должностях от старшего коллектора, техника-геолога, геолога участка, старшего геолога геологоразведочных партий до главного геолога экспедиций.

Конечно, это присутствующих несколько шокировало. Но потом перешли к делу. Ознакомившись с тезисами цикла лекций, одобрили, но сразу же сказали, что это мероприятие они хотели бы провести на уровне директоров, заведующих учебной частью и классных

руководителей школ района во время летних сессий преподавательского состава. Ну и отлично! Ко всему Сергей предложил в заключении показ фильма «Иисус» по Евангелию от Луки.

Интересной была реакция преподавателей при знакомстве Сергея с аудиторией перед первой лекцией. Сергей повторил то, что сказал тогда начальнику Района. Присутствующие смущенно заулыбались, и по залу прокатился приглушенный шум: до сознания многих дошло, как держали атеисты в неведении народные массы о скромных, законопослушных, но оклеветанных евангельских верующих.

В течение ближайших двух месяцев намеченная программа была осуществлена, и показан фильм «Иисус». Фильм демонстрировали молодые братья ближайших церквей ЕХБ, Георгиевской и Невинномысской, которые с удовольствием приняли в этом участие. На показе фильма присутствовало также все руководство района: представители правоохранительных органов, КГБ, прокуратуры, Районного исполнительного комитета, районной прессы и радио. Впечатление было потрясающим.

Сергей Никитович Савинский

В небольших городках происшествия становятся известными прежде, чем местные газеты сообщат о них. Так и в этот хмурый осенний день с самого утра в «Макдональдсах», на остановках общественного транспорта, в офисах, по телефону и при встречах все говорили о случившемся.

Рыбаки недалеко от моста нашли труп мужчины средних лет. Убийство это, самоубийство или нелепая случайность – никто не знал, только на лицах и в голосе людей присутствовало некое потрясение, словно погибший приходился кем-то каждому.

На следующий день газета пролила некоторый свет на случившееся. Погибший оказался эмигрантом из России, Алексом Фадеевым. В Ред-Лейк Сити (США) жил четыре года. Зарабатывал ремеслом, которое освоил еще на родине, занимаясь восстановлением автомобилей. Женат, имел сына трех с половиной лет. Полиция выясняет причины гибели Фадеева. Ниже выражались соболезнования семье, потерявшей отца и мужа.

...Пол Ховард, полицейский, уже дважды предпринимал попытки поговорить с женой погибшего – Элен. Расспросы только бередили свежие раны, вызывая рыдания. Полицейский покинул дом, так ничего и не выяснив. Услышав звук газонокосилки, он решил подойти к соседу Фадеевых. Это был пожилой пенсионер с пышной шевелюрой.

– Добрый день, господин...

– Брайт, Джон Брайт, – представился тот.

– Джон, могу я задать Вам несколько вопросов, касающихся ваших соседей, в частности, погибшего Алекса?

– Да, конечно, – Джон выключил газонокосилку и пригласил присесть на скамейку.

– Джон, давно Вы знакомы с его семьей?

Протяжно, как бы вспоминая, со-

сед проговорил:

– Да-а, наверное, с того времени, когда они приобрели этот дом. Вероятно, прошло около трех лет. Они пригласили нас с Кэтрин на новоселье, там мы и познакомились.

– А что Вы можете сказать об Алексе? Может, Вам что-нибудь известно об их семейных отношениях?

– Почти ничего. Дело в том, что Алекса я видел крайне редко. Практически каждое утро, очень рано, еще в постели, я слышал, как выезжает его старенький, пыхтящий «бьюик». Он возвращался, когда мы уже гасили свет, – замолчал на минуту и продолжил. – Ничего плохого сказать о нем не могу, семья как семья. Словом, порядочные люди. В выходной ездят в церковь, и нас как-то звали.

Тут он закурил сигарету и задумчиво, глядя в никуда, выдохнул вместе с дымом:

– Да-а, неплохой был человек, крутился, как мог. Для семьи старался, машину себе недавно приобрел новую. Вы ее видели? Не машина, а ласточка, салон – как в самолете, не многим по карману такой экземпляр.

Джон снова задумался, медленно выпуская клубы дыма, затем добавил:

– А в последнее время что-то и не припомню, чтобы он на ней ездил,

может, что сломалось или просто берег ее, – сбивая пепел с окурка, Джон с любопытством, как бы очнувшись от размышлений, повернулся к полицейскому. – Так что же все-таки с ним случилось?

Пол, вставая, со вздохом произнес:

– Пока не знаем. Спасибо за помощь, Джон.

Полицейский пошел к своей машине, но на полпути остановился. В голове звучали слова Джона: «В последнее время он что-то на ней не ездил». Может, у него украли машину, и он бросился с моста? Нет, глупости, но машину стоит проверить. Полицейский решительно двинулся к гаражу, но тот оказался под замком. Через боковую дверь Пол смог проникнуть внутрь. Машина на месте. Но что это? Чудесная «Альфа Ромео» была изранена множеством маленьких вмятин и царапин. Не похоже на аварию, но похоже на то, что кто-то поиздевался, может, от зависти или сводя счеты.

Значит, у Алекса были враги... Надо поговорить с Элен, она должна что-то знать про машину. Но как? У нее депрессия, плачет, никуда не выходит. Может, попытаться вывезти ее куда-то на природу и там поговорить? С этим решением полицейский вышел из гаража и побрел к своей машине.

...Туманное утро предвещало ясный день. «Только бы уговорить ее», – думал Пол, подъезжая к дому Фадеевых. На звонок никто не вышел. На часах 9:30. Вроде не рано. Наконец, послышались шаги, и дверь впустила солнечные лучи в прихожую, осветив заспанное лицо Элен.

– Доброе утро, Элен, – поздоровался Пол, – прошу прощения за необъявленный визит, по-видимому, я разбудил Вас? Как Вы себя чувствуете? – поинтересовался полицейский, усаживаясь на простенький стул в гостиной.

– Спасибо, сегодня спала, как никогда, долго.

– Послушайте, Элен, я заехал, чтобы предложить Вам немного развеяться... Поехать, например, в горы. Говорят, общение с природой – лучшая терапия для души. Как Вы смотрите на это? Мы можем взять и Вашего сынишку; полагаю, Вы отдали его пока родственникам?

– Нет, он в больнице, – сдержанно произнесла Элен, дав понять, что это большая тема.

– Что ж, мы можем вместе посетить его.

– Нет, пожалуйста, не надо, – слезы заблестели в глазах молодой вдовы. – И я никуда не поеду, оставьте меня, – теперь она уже плакала.

– Элен, прошу простить меня, я совершенно не хотел причинить Вам боль.

Пол уже закрывал входную дверь, как услышал сдавленное рыданием:

– Подождите, я согласна, только

приведу себя в порядок.

Почти всю дорогу они молчали. Элен сидела с опущенной головой. Пол не вступал в разговор, понимая, что она готовится что-то сказать. Машина забиралась все выше в горы.

– Вы правы, мне нужно выговориться, но я еще не готова. Мне тяжело, – некоторое время она молчала, подбирая слова. – Я понимаю, Вам нужна информация.

– Но, как человек, я переживаю Ваше горе вместе с Вами. Я говорю это вполне искренне. Мне было двенадцать лет, когда моя мама умерла от рака. Я больше недели рыдал, не мог смириться, а отец даже ни разу не подошел, чтобы утешить меня. Более того, через три дня после похорон он привел другую женщину, и я не смог жить с отцом-предателем, убежал из дома.

Машина уже стояла на берегу озера, но никто из нее не выходил. Элен изливала свою душу, рассказывая длинную историю.

– Поженились мы с Алексом в России, и были самыми счастливыми на свете людьми. Я сразу уволилась с работы. Алекс сказал: «Женское дело – очаг охранять», а сам работал, восстанавливая битые машины. Мы продавали одну машину и покупали другую, получше. Уже тогда он часто мечтал: «Вот приедем в Штаты, куплю себе новенькую «Альфа Ромео»». Помню, как-то в церкви проповедник говорил о богатстве, чтобы мы довольны были, имея пищу и одежду. Алекс потом возмущался: «А если я имею возможность купить получше, по-

чему я не должен покупать? Я ведь из своего кармана плачу. Разве Бог запрещает хорошо жить? Не Он ли вел народ в страну, где течет молоко и мед?» Мне не хотелось портить отношения с мужем, поэтому старалась не вступать с ним в спор, хотя редко была согласна с ним.

Переехали в Америку, осмотрелись... Саша потирал руки, видя битые автомобили: «Да здесь работы целый «Клондайк»». И действительно, едва успел оформить бизнес, арендовать помещение и купить нужный инструмент, как появилась очередь в его мастерскую. Вскоре клиентов стало так много, что Саша взял себе двух помощников. Я редко видела мужа и деньги тоже. Почти все заработанное он откладывал на свою мечту. Даже когда родился Андрейка, ничего не изменилось. Алекс только утешал: «Вот куплю себе «коня» и заживем посвободней, на родину съездим».

Прошло четыре года. Андрейка, подражая папе, выравнивал все свои машинки молоточком. Алекс с гордостью говорил: «Смотри, какая подмога отцу растет!»

Лицо Элен посветлело от воспоминаний прекрасного прошлого, куда она сейчас мысленно вернулась; но через мгновение ее мысли споткнулись о тот трагический день, когда Алекс приехал на обед.

– Привет, дорогая! Ах, как вкусно пахнет из кухни!

– Привет, любимый, угадай, что я тебе приготовила?

– О, этот запах я угадаю с первого раза – это пельмешки. Ты у меня просто Марья-искусница!

Вымыв руки, Алекс заглянул в детскую:

– А где же мой шустрый мальчуган? Где Андрейка-батарейка? Ага, вот ты где! – Алекс подхватил сына на руки и на ухо шепнул: – Хочешь в папиной машине посидеть?

– Ура, ура-а, – кричал от радости убегающий в гараж Андрейка.

Обед проходил в спешке.

– Алекс, может, хватит, – умоляюще произнесла Элен, – я так устала от твоей круглосуточной работы.

– Это я устаю и все делаю для вашего счастья. Что тебе еще не хватает – машина есть, дом есть?

– Мне нужен муж, – вставила Элен. – А Андрейке нужен отец. Прошу тебя, сделай хоть сегодня исклучение, приходи пораньше. Сегодня пять лет нашей семейной жизни.

Алекс отставил тарелку и замер, перестав жевать.

– Что это за звуки?

Приглушенные удары доносились откуда-то снизу. Как обожженный, Алекс вскочил и кинулся в гараж, предчувствуя неладное.

– Что ты делаешь, гаденыш? – вскрикнул он, увидев, как сын молотком выстукивает его новую машину. Взбешенный, он схватил выпавший из рук испуганного сына молоток, придавил обе руки Андрейки к полу и беспощадно бил по ним раз за разом.

– Я на эту машину четыре года пахал, ночи не спал, ты слышишь меня? – кричал он в ухо Андрейке.

Но тот молчал – мальчик потерял сознание. Кровь брызгала на пол, на машину... Вбежала испуганная Элен и, увидев своего мальчика, лежащего в крови, в ужасе произнесла:

– Боже мой!

Она хотела подойти к нему – но ноги подкосились, и сознание покинуло ее.

...Алекс не вызвал скорую, пони-

мая, что его тут же посадят, он просто ушел. Очнувшись, Элен не знала, что делать: позвонить в полицию и рассказать правду – означало потерять Алекса навсегда; вызвать скорую означало то же самое. Андрейка начал стонать. Мать, как могла, работала его раздробленные ручки, дала обезболивающее и уложила на подушку. Прошел день, Алекс не давал о себе знать.

А состояние трехлетнего Андрейки требовало госпитализации. Его недвижно висящие кисти рук начали чернеть. Элен понимала, что, ничего не предпринимая, рискует потерять не только ручки сынишки, но и его самого. Несколько раз она набирала номер телефона давнего знакомого семьи – доктора Вермана, но возвращала трубку, боясь развития событий. Вскоре Роман Верман позвонил ей сам, увидев знакомый номер. Элен не смогла скрыть случившегося. Доктор пообещал не давать огласки и приказал немедленно привезти мальчика.

...Через три недели в палату к выздоравливающему Андрейке зашел отец. Ему потребовалось неимоверно много сил, чтобы открыть дверь и еще больше сил, чтобы по-

смотреть сыну в глаза. Сможет ли ребенок простить его? Сможет ли он когда-нибудь забыть? А что, если он скажет: «Папа, уйди, я не хочу тебя видеть»? Вопросы терзали его измученную душу.

– Папочка! – с радостью вскрикнул Андрейка, увидев входящего отца, и вытащил из-под одеяла ручки, чтобы обнять папу.

Алекс в шоке остановился, не дойдя до кровати. Ручки его сына были без кистей, без пальчиков. Он закрыл лицо руками, намереваясь развернуться и уйти, но голос сынишки остановил его:

– Папа, папочка, ты не сердись на меня? Папочка, когда у меня вырастут ручки, я пойду работать. Заработаю много-много денежек и куплю тебе самую-самую красивую машину, папочка...

Но папочки уже не было в палате.

...Элен молчала, а слезы ручьями катились из ее глаз. Слезы о потере любимого мужа, слезы об искалеченном сынишке и об ее искалеченной жизни...

Александр Савельев

ПРОПОВЕДОВАТЬ О МОЛИТВЕ

Мой друг, доктор Дж. Эдвин Орт, рассказывал, что один хорошо известный проповедник получил приглашение вместе с другими христианскими лидерами участвовать в работе важного народного собрания, исключительной целью которого была заступническая молитва. Однако проповедник отклонил это приглашение, объяснив, что он слишком занят, чтобы посещать долгие молитвенные собрания.

В конце своего письма с отказом он написал, что у него есть замечательная проповедь, посвященная молитве, и что он будет рад приехать и поделиться ею на одном из будущих собраний! В глубине сердца я очень хорошо сознаю, насколько легче писать или проповедовать о молитве, чем просто молиться.

Ричард А. Беннетт

ИЛИ МОЛИТЬСЯ?

Мой путь к Богу

Меня зовут Андрей Крещенко – мне 30 лет, сижу в колонии строгого режима. В соседнем секторе сидит мой родной брат Жора. Я покаяться и принял Иисуса Христа своим Господом и Спасителем 2-го августа 2001 года.

Мой поиск Бога начался с моего ареста после пятилетнего пребывания в розыске. Попав в тюрьму, я заболел туберкулезом. Приехав на туб. зону №89 в Днепропетровске, я впервые задумался о смысле жизни и о вечности. Впервые в жизни я испугался смерти, когда увидел, что двадцатилетние парни умирают от туберкулеза, не успев пожить.

Было много вопросов, на которые мое окружение не могло дать ответов. После семимесячного пребывания в туб. зоне меня подлечили и перевели в «здоровый» лагерь СВК-21 этой же области. Вот в нем я и встретил верующих братьев, которые помогли мне найти Бога. Они отвечали на мои вопросы по Писанию. И Бог сокрушил мое сердце 2-го августа 2001 года. Очень трудно было сделать этот шаг. Я еще думал о мнении окружающих. Что скажет мой старший брат Жора? Как отнесется к этому мой поделщик, который также сидит в этом лагере? Но, слава Богу, что Он дал мудрости и смелости, ведь раньше я думал, что вера – это удел слабых.

После покаяния я начал молиться за своих родных, чтобы Бог их спас. Через четыре месяца после моего покаяния, 10 декабря 2001 года, ко мне на длительное свидание приехала мать. До ее приезда я не решался засвидетельствовать ей о моем покаянии. Наша семья не отличалась

набожностью. Я боялся, что мать может меня не понять и начнет причитать и сетовать... Но Бог приготовил мне сюрприз. В день свидания я с легким волнением зашел в комнату, обнял и поцеловал мать, стал подбирать удобный момент заговорить с ней о Боге. И когда я скороговоркой выпалил: «Мама, я решил изменить свою жизнь с помощью Бога, покаяться в грехах и хожу в церковь», она повернулась ко мне и сказала: «Сынок, я тоже покаюсь». Вот это сюрприз! Я с ней проговорил всю ночь! Мы начали молиться за двух моих братьев – Сашу и Жору.

Шло время, при встречах с Жорой я всегда старался сеять Слово, рассказывал об Иисусе. Также я молился за Сашу, просил Бога, чтобы Он приводил к нему Своих евангелистов. Позже он мне писал, что его часто останавливали посреди улицы и рассказывали о Христе. И вот, спустя еще год, 25 декабря 2002 года, мы вновь встретились всей семьей на длительном свидании (в последнее время наша семья собиралась вместе только на длительных свиданиях в разных зонах). Когда Саша ехал на это свидание, ему просквозило шею, так что он еле мог поворачивать голову. Господь дал мне дерзновение, и я им проповедовал, после чего предложил Саше помолиться за его исцеление. Он согласился. После молитвы я сразу же предложил ему покаяться в грехах.

Он ответил, что согласен. Слава Богу, мой брат покаяться! Я плакал слезами радости. Это было счастье. Из всей семьи не обращенным оставался только Жора.

Спустя 12 дней, на Рождество Христово (6 января 2003 года), мы собрались всей церковью в клубе для прославления и поклонения. Пришел также и Жора. Я вышел и засвидетельствовал о покаянии Саши на длительном свидании. В конце я сказал: «В зале сидит мой брат Жора. Он последний неспасенный член нашей семьи. Но я верю Слову Бога, которое говорит: “Спасешься ты и весь дом твой”. Придет время, и он покается. Бог сокрушит и его сердце». После этого я занял свое место в зале. Пастор проповедовал, а потом предложил выйти вперед тем людям, которые хотят примириться с Богом. Вышло человек восемь. Среди них был и Жора! После молитвы покаяния я выбежал на сцену, поздравил Жору и тут же засвидетельствовал, что Бог спас весь мой дом!

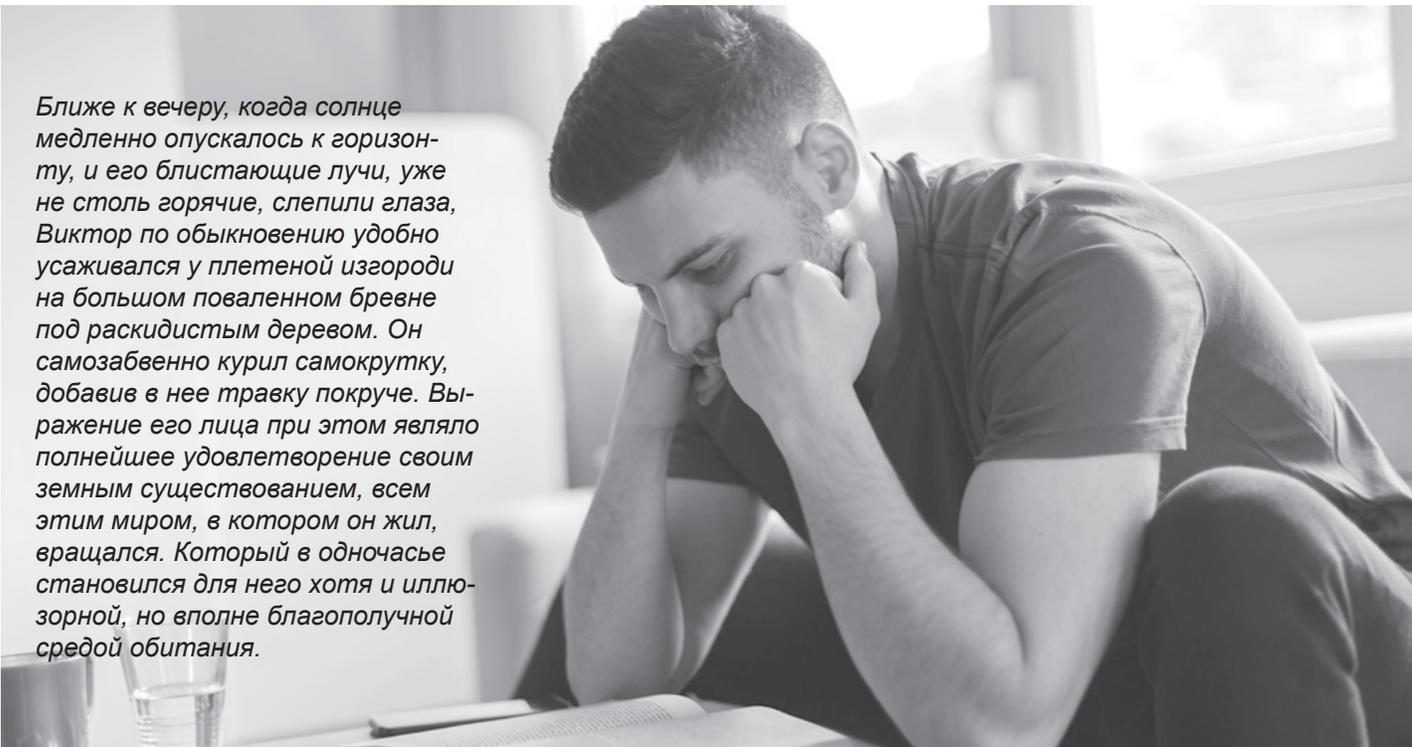
Слава Господу! Я благодарен Ему, что Он явил милость Свою, и вся моя семья покалась. Я хочу смело сказать всем читателям этого свидетельства – смело с верой опирайтесь на обетования Божьи. Бог верен Своему Слову. Он бодрствует над каждым словом в Библии. Пусть Бог вас всех обильно благословит!

Андрей Крещенко

КНИГОНОШИ

«...молитесь, ...чтобы слово Господне распространялось...» (2 Фес. 3:1)

Ближе к вечеру, когда солнце медленно опускалось к горизонту, и его блистающие лучи, уже не столь горячие, слепили глаза, Виктор по обыкновению удобно усаживался у плетеной изгороди на большом поваленном бревне под раскидистым деревом. Он самозабвенно курил самокрутку, добавив в нее травку покруче. Выражение его лица при этом являло полнейшее удовлетворение своим земным существованием, всем этим миром, в котором он жил, вращался. Который в одночасье становился для него хотя и иллюзорной, но вполне благополучной средой обитания.

«Как хорошо-то! Просто классно!» – каждый раз он проносил эти слова. В полузабытьи. Зажмурившись, чтобы ничего не видеть и не слышать. А лишь ощущать... Он упивался этим состоянием. А потому в этот исключительно замечательный момент его бытия никто к нему не подходил. Не отвлекай, не отнимай счастливейших минут – он весь объят неповторимым кайфом.

Но... вот кто-то вдруг посмел приблизиться. Вплотную. Потревожить. Разрушить все напоследок. Недовольство бурно вскипело в нем. Ну кто там еще? Откуда притащился? И не один! Жаль, что он сейчас не в том состоянии, чтобы их разогнать и как следует проучить, чтоб не совали нос в чужую жизнь и не навязывали бы своего ненужного общества.

Он вяло ткнул незнакомца кулаком в живот и угрожающе зашипел:

– А ну, вали отсюда! Да побыстрее. Слышь, что говорю?

Мягкий, вежливый голос достиг

слуха ожесточившегося Виктора:

– Мы хотим Вам подарить Библию. Вы согласны?

– Одну? – глухо спросил Виктор.

– Сколько Вы пожелаете. У нас их много.

– Сложи их, все до одной, двумя стопками на этом бревне. И поскорее.

Молодые люди – а их было семь человек, совсем юных, даже еще не окончивших среднюю школу – сразу же откликнулись на эту просьбу, радуясь возможности вручить интересующемуся ценнейшее сокровище. И не только ему. Но, возможно, его родным и знакомым. Иначе, зачем ему такое количество Библий? Юнцы были распространителями Библии. Или, как их называли в старину, – книгоношами. Их задача: одарить всех желающих Словом Божиим.

Они аккуратно уложили возле него двумя стопками принесенные книги. Пусть люди читают. Знакомьтесь с Богом. И Его Сыном – Иису-

сом Христом. Усваивают важные откровения. Узнают, как приблизиться к Богу. Понять Его учение. Принять в свое сердце Искупителя, дарующего каждому человеку через веру в Него покаяние и жизнь вечную.

Выполнив необычную просьбу, стали прощаться, желая ему почерпнуть мудрости из Книги книг. А также, чтобы Господь Бог стал его путеводной звездой на протяжении всей жизни. Пригласили посетить церковь. Вручили адрес.

– Это все, что вы принесли? – сурово, жестко спросил Виктор.

– Да, да! Конечно. Мы отдали Вам все Книги, что у нас были.

– А теперь марш отсюда! Проваливайте, говорю, и побыстрее. Все до одного. Сгиньте сию же минуту. С глаз моих долой! Ну? Что вам сказано? Чего уставились? Отчего окаменели в своей стойке? Убирайтесь! Живо!

– Хотелось бы кратко Вам кое-что объяснить... – начал, было, вежливо свою речь молодой человек,

как вдруг ощутил сильнейший удар. В грудь. Он едва удержался, чтобы не вскрикнуть от пронзительной боли, нанесенной брошенной в него Библией. Ее жесткий переплет угодил ему в солнечное сплетение, сбился ритм дыхания – и юноша едва не задохнулся.

Его спутники остолбенели от такого неожиданно «горячего» приема. Замерли. И вдруг на них внезапно посыпались одна за другой только что любовно ими уложенные на бревне Библии. Метал их Виктор с остервенением. С близкого расстояния книги больно ранили худенькие тела юных миссионеров. Моментами лица многих из них были «разукрашены» огромными, расплывающимися на все лицо, синяками. Носы разбиты. Кровоточат. А у одной девчухи уголком твердого переплета книги была пробита кожа на виске. И струйка крови потекла за отворот кофточки. Сама она едва не потеряла сознание. Мальчики подхватили ее и быстро понесли подалее с «поля боя».

Буквально все, пришедшие с Благой Вестью, с добрым намерением подарить бесценную Книгу и коротко рассказать о любви Божией к падшему человечеству, были жестоко избиты Библиями, которые метко и с ненавистью бросал в них Виктор. Отошедший только что от «страны грез», он был невероятно зол.

Однако, пострадавшие в этой неожиданной бойне, они старались побыстрее собрать в свои сумочки разбросанные бесценные издания, обгаренные кровью их распространителей. И быстро уходили с места побоища от обезумевшего нападавшего.

Руководитель группы – молодой пареньек – горько сокрушался: он сразу не распознал, что хозяин этого дома находился не в той форме, чтобы слушать Слово Божие. И вот результат: он подверг всю группу сильнейшим испытаниям. И моральным, и физическим. Библии же обезображены. Он попросил у всех прощения. Не досмотрел. Потом у Господа, прося одновременно у Него мудрости, чтобы добросовестно исполнять свой долг пред Богом и людьми.

Виктор, разъяренный нашествием

миссионеров в неурочный час, тяжело опустился на бревно. И пытался унять разбушевавшийся гнев. Он удовлетворенно констатировал, что книги достигли цели: разогнали непрошенных гостей. Поделом им. Будут знать, как вторгаться в чужие владения без приглашения. Восторжествовала «справедливая» расправа над теми, кто осмелился потревожить его уединение и испортить ему минуту блаженного состояния. Его самолюбие испытало полное удовлетворение. К нему они больше никогда не сунутся. Факт.

Успокоившись, Виктор нагнулся, чтобы обобрать сухую траву, налипшую на брюки. И вдруг увидел ее. Раскрытую Библию, упавшую с бревна в густую зеленую траву во время массажной атаки. Подняв книгу, Виктор чуть не закричал на всю улицу от неожиданного счастья. Бумага! Так ему нужна! Библия напечатана на тонкой бумаге. Вот так удача! Знай он раньше, оставил бы себе не одну книжку на самокрутки. Такую бумагу нынче днем с огнем не сыщешь.

Ему хватило этой бумаги надолго. Он тратил ее экономно. О-о-о! Это же совсем другое дело – покуривать самодельную папироску, скрученную из тончайшей бумаги. Его дружки, такие же непутевые, как и он, не раз пытались стащить у него Книгу с замечательной бумагой. Но он был начеку. Берег свою драгоценность, как зеницу ока.

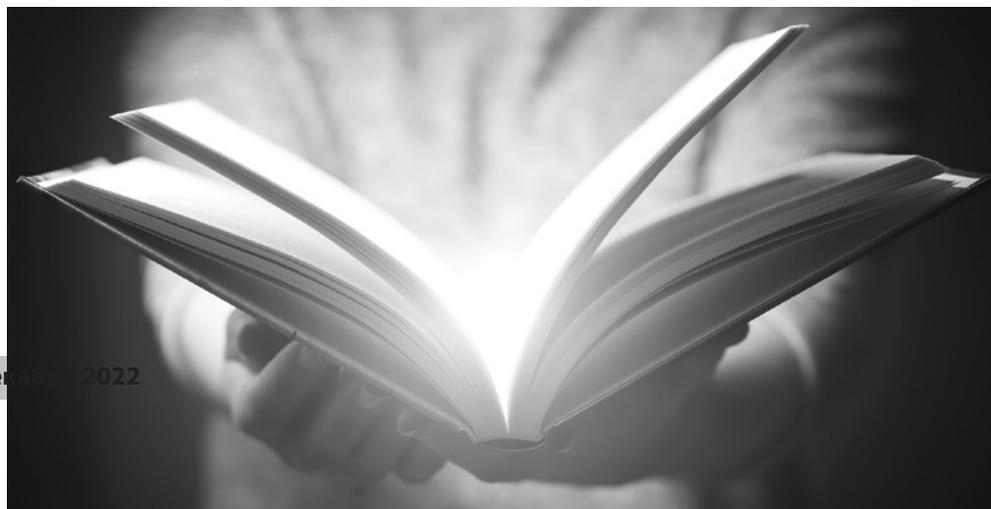
...Прошло десять лет. И однажды Виктор, обкурившись до одури, оказался на больничной койке. На грани смерти. В реанимации. Врачи несколько дней и ночей боролись за его жизнь. И, как оказалось, не напрасно. Выжил. Открыв глаза, с удивлением обнаружил, что он не дома. И с любопытством осматривал

палату. Собравшийся вокруг него медперсонал констатировал победу медицины. Спасли его, ну прямо-таки, на краю гибели. А если честно, то никто не верил, что он выживет. Но... медицина победила.

А теперь? Дельнейшее здоровье зависит исключительно от него. Строжайшая диета. Здоровый образ жизни: спорт, особые упражнения, свежий воздух, утренние пробежки. И ни в коем случае не пить и не курить. Ну что за жизнь?

Виктор глубоко вздохнул. Да... Веселенькое продолжение земного бытия: ты еще молод, а надо жить по-стариковски. Это же жалкое существование. Не-е-е-т. Он не согласен. Он так не сможет. Ну и что тогда? Безмолвное забвение. Навсегда. Ух ты! Рановато еще. Он молод. Хочется жить.

Однажды ранним утром, пробежавшись трусцой по ухоженным дорожкам фруктового сада и вокруг дома, Виктор, приняв душ и плотно позавтракав, решил почитать Жюль Верна. Он любил приключенческие романы. Порывшись на полках книжного шкафа, не смог найти нужную книгу и с досады так двинул шкаф, что из него на пол посыпались книги. Одна слетела последней. Странная, изуродованная книжка. Виктор поднял ее. Библия. Почти вся раскуренная давным-давно. Но осталось несколько последних страниц. Виктор прочитал: «Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю. Итак, будь ревностен и покайся. Се, стою у двери и стучу...» Далее страницы вырваны. Потом несколько сохранившихся листов. Он прочитал последние строчки уцелевшей главы: «И кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное». Ничего себе перспектива! Это же для кого такая участь? Ну, да. Для тех, кто не

записан в какой-то там книге. А как в нее записаться?

Он вспомнил, как более десяти лет назад к нему приходили юнцы. Они жаждали его просветить. Объяснить библейское учение. А он? Он их «расстрелял». Их же книгами. Глупец. Надо было выслушать. А может, это ужасное озеро приготовлено именно для таких, как он? Его передернуло. Б-р-р! Жуть какая!

Надо найти этих пропагандистов. Поговорить. Побеседовать о библейском учении. Извиниться за дурь. За недостойное поведение. Теперь они уже достаточно взрослые. Поймут. Простят.

Виктор нашел их. Не так быстро, как хотелось. И не всех. А только двоих. Молодую супружескую пару с двумя малышами. В одной из церквей города. Он узнал в молодой, светловолосой женщине ту самую раненую Библией в висок девочку, которую он чуть не зашиб. Но Господь сохранил ей жизнь и сделал счастливой. Она с мужем продолжает свою работу по распространению Библии в обще-

ственной организации «Гедеон».

Вскоре Виктор покаялся. Заклучив завет с Богом, он тут же включился в работу «гедеоновцев». Чтобы донести до каждого человека Слово Божие. Это чрезвычайно важно. Он буквально горел на этой работе. И бесконечно удивлялся тому, кто не желал обзавестись Библией, не хотел выслушать Благую Весть. Он в них узнавал себя и горячо молился за таких.

Однажды в городском парке он познакомился с юношей, одиноко и грустно скучавшем на лавочке. Они долго беседовали. Виктор старался толково и доходчиво объяснить ему смысл библейского учения. Юноша реагировал неадекватно. Едко высмеивал каждое слово, сказанное Виктором. Критиковал его взгляды. Саркастически улыбался. Взгляд его был полон злобной неприязни. Ну что ж! Виктор сам был таким. Чему тут удивляться? Придет время – Бог ему откроет истину. А он, Виктор, будет об этом молиться. Но на прощание он все-таки вручил ему

Библию в красивой обложке. Вот, возьми, сам почитай!

Не успел Виктор отойти от лавочки, где только что просвещал юношу, как ощутил сильный удар между лопаток. Обернулся. У его ног лежала только что подаренная им Библия. А по аллее парка спешно удалялся недавний собеседник. Виктор улыбнулся. Как все в этой жизни удивительным образом повторяется!

У каждого поколения рождаются свои неразумные дети. И вот его, Виктора, задача как раз и вразумлять таких. Да благословит его Господь на этом поприще. Даст мудрости, такта и терпения в беседе с людьми, упорно сопротивляющимися библейскому учению. Помогай, Господи! Ведь это наиважнейший труд – спасать души грешников для Царства Небесного, открывать людям Личность любящего Отца. И дарить им бесподобную Книгу – Библию. Читайте ее. И вы почерпнете в ней много полезного для себя.

Тамара Каширина

НИКОГДА НЕ РАНО ГОВОРИТЬ О СПАСЕНИИ

Некоторое время назад мы с родителями пять лет подряд ездили в село Комсомольское. Там я проводила библейские уроки с детьми от 5 до 15 лет. Мой отец разбирал Слово Божие со взрослыми. Мама читала стихи.

Как, наверное, во многих селах, в Комсомольском много людей поражено алкоголизмом. Бывало так, что кто-то из сельских начинал ходить к нам в группу, клялся, обещал, что больше никогда не прикаснется к бутылке с алкоголем, а на следующее воскресенье мы приезжали и узнавали, что он умер на днях во время запоя. Было так, что мы в течение месяца каждое воскресенье слышали эту новость. Страшно вспомнить.

Ходила к нам на общения одна семья – мать, казашка по национальности, с детьми пяти, десяти и пятнадцати лет. Отец был русским, сидел в тюрьме. Мать ездила работать в город и не всегда бывала на собраниях, а вот дети были всегда. Очень много знали о Боге, хорошо знали Библию (до меня с ними

занималась другая сестра из церкви). Молились, стремились к Богу всем сердцем. Дети эти недоедали, ведь денег всегда очень не хватало. А когда отец вышел из тюрьмы, то на плечи матери легла еще забота и о нем, так как он не работал. Как-то отец пришел к нам в группу и в слезах раскаялся в своих грехах, дал слово, что больше пить не будет, будет заботиться о детях и жене.

Мы решили помочь детям, они были совсем изголодавшиеся. Подумали, что лучше помочь не деньгами, а привезти им домой несколько мешков продуктов: крупы, муки, овощей. Много всего, хватило бы надолго. Но на следующий же день отец продал все продукты и даже мешки пустые, и пропил деньги.

Младшей девочке было тогда пять лет. Сейчас она уже девушка. Работает. А среднему сыну было десять – он всегда говорил, что хочет быть поваром, чтобы есть, сколько захочешь. Сейчас таксистом работает.

Был в этом селе еще один случай, который мне долго не давал покоя. Начали ходить к нам братик с сестричкой. Ему шесть лет, ей четыре года. Ходили не постоянно, но очень внимательно слушали о распятом Христе и о спасении. Как-то приезжаю в очередное воскресенье, а дети говорят: «Тетя Настя, а Сашка умер, машина сбила его тут на дороге. А мы его за день до этого видели, что он курил». Ну как же так? После этого случая я поняла, что детям никогда не рано говорить о покаянии в грехах. Не рано ни в шесть, ни в два года.

Анастасия Еременко

Благословение упования

и минута сомнений

Однажды по месту прохождения военной службы мне пришлось встретиться с одним человеком по имени Франц. Это был пожилой мужчина, абсолютно седой, но с живыми глазами и выдающимся музыкальным слухом. Он был дирижером хора и всегда пользовался палочкой, хотя по-русски говорил плохо. Хористы привыкли к нему и хорошо его понимали, а мне, молодому парнишке, было удивительно, как он, прожив в России столько времени, до сих пор не знает, как называется «муха с длинным носом, которая делает у-у-у и очень больно кусает».

В своей церкви я уже имел опыт управления хором, и Франц об этом узнал. Он великодушно предложил мне попробовать себя и здесь, в новых для меня условиях. С тех пор мы с ним подружились, он расположился ко мне и вел откровенные беседы. Вскоре Франц в подробностях рассказал мне некоторые эпизоды своей непростой жизни. Делал он это не для того, чтобы похвалиться или произвести на меня впечатление; скорее по-отечески, с добрым наставлением и предупредительностью. Как он сам свидетельствовал мне, его задачей было «предостеречь меня от некоторых ошибок, которые могут помешать наследовать благословение Божье».

Эти истории отложились в моем сознании, и я хотел бы поделиться ими с вами, дорогие читатели. Вот что рассказывал мне Франц:

– Я родился в Австро-Венгрии в

христианской семье, и у меня была старшая сестра Эдит. Мои родители очень любили нас и регулярно брали с собой в церковь. Когда началась Первая мировая война, то меня забрали на фронт. Впереди – отправление на передовую. Я был честным с офицером и сказал, что оружие в руки брать не буду:

– Господин офицер, я христианин, и мои убеждения не позволяют мне брать в руки оружие. Я должен сразу вас предупредить об этом.

– Солдат, но ведь брать оружие с целью убить врага совсем не плохо. Этого требует твой гражданский долг перед Родиной! – пробовал изменить мнение рядового начальник.

– Гораздо важнее для меня долг перед Богом, Которому я обещал добрую совесть. А моя совесть говорит мне, чтобы я не шел ни на какие компромиссы с властью, даже если это повлечет серьезные послед-

ствия! – не сдавался Франц.

– погоди, солдат. Ты сельский житель, не все понимаешь – мы тебя научим и перевоспитаем, ты потом нам спасибо скажешь. Твоя серость и забитость определяются твоим происхождением. Здесь ты имеешь возможность поменять свои взгляды, избавиться от навязанных стереотипов.

– Нет, господин офицер, для меня определенно ясно: человекоубийцы царства Божьего не наследуют. Я не попаду к моему Спасителю на небо после этой жизни, если буду стрелять и убивать людей, даже если они враги моей страны. Эта истина ясна мне, как Божий день.

– Какими глупостями ты голову забиваешь! Забудь на время войны свои принципы, а потом живи так, как жил до сих пор! – твердо настаивал военный офицер.

– Нет, это будет несправедливо, моя совесть мне покоя не даст. Не

хочу таким обманом заниматься. Бог всех одинаково любит, как нас, так и наших политических врагов. Поэтому оружия в руки брать не буду – не хочу быть убийцей, не хочу грех на душу брать и жить с этим грузом до конца дней! – не менял своей жизненной позиции Франц.

– Ладно, хватит болтать. Ты сейчас так говоришь, а потом мы посмотрим! – как-то язвительно произнес начальник и приказал покинуть кабинет.

Так я попал на войну. Меня, конечно, пытались образумить, перевоспитать и сломать. Никому это не удалось – я был непреклонен. Евангельские принципы определяли мою жизнь, и я решил быть верным Богу до конца, который в этих условиях мог быть очень скорым. Мои «воспитатели» не успокаивались и придумали для меня своеобразное наказание, чтоб таким образом уравнивать со всеми остальными новобранцами:

– Мы принимаем твой отказ носить оружие, снаряжение, боеприпасы, но только на наших условиях. Так как ты один из солдат, то не имеешь права выделяться на фоне других. Согласен ли ты сам с этим утверждением?

– Я этого и не добиваюсь, вы неправильно меня поняли.

– Не прекословь нам, слушай дальше. Мы взвесили всю нашу амуницию, содержимое вещмешка, который каждый солдат носит за плечами – и вышло тридцать килограммов. Это ежедневный труд – носить такой мешок. Поэтому, чтобы ты был наравне со всеми остальными, мы тебе также оформили рюкзак. Вот он, забирай! – сказал лейтенант и приказал мне подойти к столу.

Люди в форме указали мне на вещмешок, стоящий на столе – объемный, чем-то наполненный до самого верха. Я подошел и попробовал его забрать, но мои руки от тяжелой ноши потянуло вниз. Мой рюкзак был очень тяжелым! Мне приказали его одеть и удалиться.

Вечером я осмелился открыть рюкзак и посмотреть на содержимое, которое больно давило мне на плечи и делало передвижения более трудными и изнуряющими. Каково же было мое удивление! Мешок до

самого верха был наполнен... кирпичами. Вот почему мне было так тяжело! К сожалению, я ничего не мог изменить – за мной пристально наблюдали. Так я должен был привыкнуть к своей поклаже.

Мои соратники думали сделать мою жизнь тяжелее, невыносимее, чтобы я поскорее сломался и упал, сделавшись легкой добычей противника. Но на самом деле, не подозревая об этом, они продлевали мою жизнь: во всяком бою, когда вражеские пули летели в нашу сторону в огромном количестве, я выставлял впереди себя рюкзак с кирпичами и был, в прямом смысле слова, как «за каменной стеной». Много-много раз я слышал, как пули врезались или отскакивали от кирпичей, но никогда не касались моего тела. Так Бог удивительным образом хранил меня от верной гибели, пусть и таким необычным способом.

Вскоре фронт приблизился к горам. Так получилось, что одну гору заняло наше подразделение, а другая была в окружении русских войск. Между ними в долине располагался колодец, доступ к которому просматривался с обеих сторон. Наши продовольственные запасы истощились, уже третий день мы были без воды. Страшное состояние, когда язык прилипает к небу и во рту исчезает слюна, усугублялось тем, что любые попытки достичь колодца и набрать воды заканчивались летальным исходом для обеих сторон.

Всех желающих подойти или подползти к колодцу жестоко убивали. Сторона противника не давала никакого шанса набрать воды. Даже ночью осветительные ракеты хорошо освещали местность и препятствовали добыче вождленной

влаги. Ситуация была патовой, командование не знало, как изменить эти обстоятельства. Ни один из разрабатываемых начальством планов не принес результата.

Тогда меня вызвал к себе офицер и стал с некоторым ехидством задавать вопросы:

– Вот скажи, Франц, брать оружие и стрелять – это грех? – издали начал он.

– Да, вы правы – это грех! – просто ответил я.

– А сходить к колодцу за водой и набрать ее – это не грех?

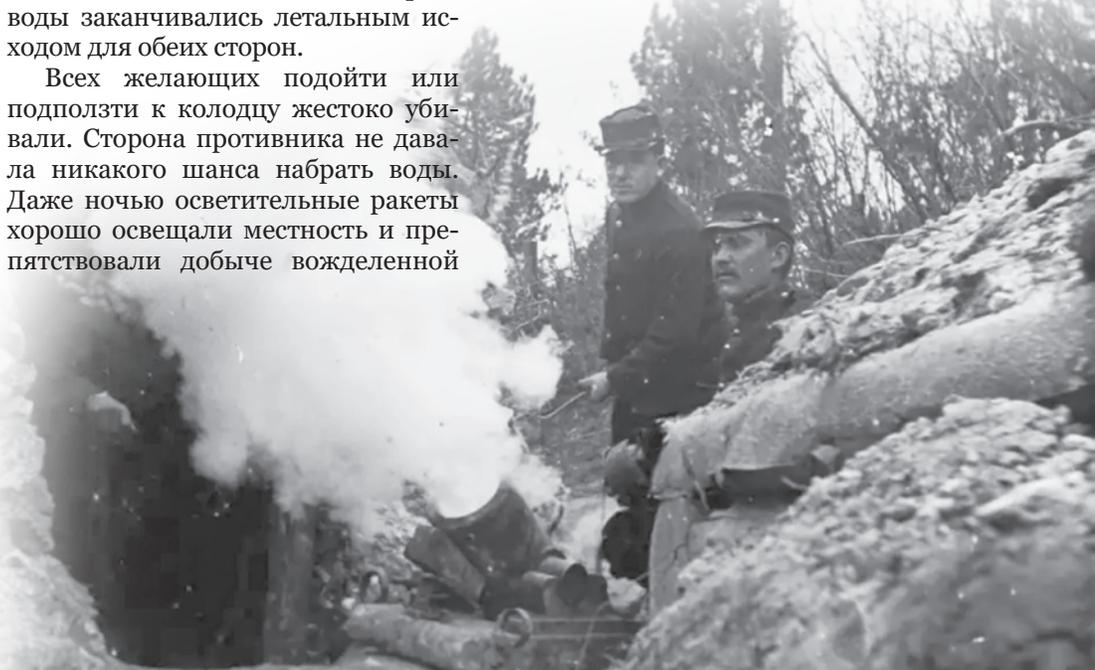
Я уже начал понимать, к чему клонит мой собеседник, но решил быть последовательным и прямодушно ответил:

– Сходить за водой – это не грех.

– Так вот тебе и приказываю – иди за водой! Выполнять! – прокричал он и гневно вытаращил на меня свои холодные глаза.

– Хорошо, я пойду, если вы приказываете, – неуверенно начала я, про себя внутренне молясь Богу. Потом начал немного смелее, справившись с волнением. – Только у меня есть просьба: не отправляйте ночью меня за водой. Я отправлюсь в это опасное путешествие утром, только мне нужно заручиться поддержкой генерала.

Офицер от этих слов неодобрительно на меня покосился. Выдержав этот неприятный взгляд, я продолжал:

– Я прошу принять мои условия – пока я не вернусь назад, не стрелять в русских, даже если они выйдут брать воду по моему примеру. Если вы согласны, я отправлюсь за водой, а если нет – тогда этот маневр осуществляйте без меня.

Офицер переговорил с генералом и дал мне положительный ответ, вдобавок принес два ведра, надеясь на чудо. Мне было страшновато отправляться в путь, я преклонил колени и попросил Бога защитить меня.

На следующее утро я разделся до гимнастерки, чтобы показать расположившимся на соседней горе русским войскам, что безоружен. Все в нашем лагере с винтовками в руках с интересом смотрели на меня – что же я буду делать дальше? Я взял два ведра, опустился на колени, поднял руки вверх и помолился Богу. Затем прошел еще десять шагов и сделал то же самое: помолился с поднятыми вверх руками. Немного прошел вперед и снова поставил рядом с собой пустые ведра и помолился, подняв руки к небу.

Русские удивленно смотрели на странного человека и дали приказ не стрелять. Такого они еще не видели. Мои однополчане тоже затаились в ожидании: что будет дальше, подпустят ли русские к колодцу? Или же этого христианина сразит вражеская пуля?

Через каждые десять шагов история повторялась: я поднимал руки к небу, молясь Господу и прося защиты и помощи в этой смертельной до сих пор операции. Таким образом, мне удалось достичь колодца и не стать мишенью для метких выстрелов.

Я помолился снова, поблагодарил Бога за пройденный путь и попросил Его заступничества на обратную дорогу. Я набрал в колодце два полных ведра воды, а затем сам стал пить. Так жадно, что у всех созерцающих эту картину проснулась невыносимая жажда. В этот момент со стороны русских через переводчика меня спросили:

– Можно кому-то из нас тоже подойти к колодцу?

Я посмотрел на них, замерших в ожидании ответа. Как бы им хотелось, чтобы он был положительным! На их лицах застыла мольба,

русские не отводили от меня глаз. Я сразу же добродушно ответил по-венгерски:

– Можно! Пока я здесь – никто не будет стрелять. Вы можете прийти и набрать воды, сейчас вам ничто не угрожает. Я буду ждать вас у колодца.

В этот же момент по направлению к колодцу вышли два солдата и офицер. Они набрали шесть ведер воды и вежливо обратились ко мне. Переводчик из этой группы хлопнул меня по плечу со словами:

– Ты очень смелый солдат! Только благодаря тебе мы можем хоть как-то напиться, утолить страшную и мучительную жажду.

– Не меня, а Бога благодарите! Это Он дал мне сил сюда прийти и охранял по дороге. Я с вами не воювал никогда, у меня вместо патронов кирпичи в вещмешке. По пути сюда мне сказали, что я иду к колодцу на верную смерть – и это не грех. Я согласился с ними – идти за водой не грешно, а стрелять в людей – это страшный грех. Вот так они отпустили меня сюда, и если Богу угодно, то я еще приду.

– Хорошо, спасибо за твои договоренности. И нам вода чудным образом досталась благодаря тебе. До свидания, солдат.

Русские хлопнули меня по плечу и отправились в свою сторону, а я направился в свой лагерь. Все ликовали – можно было теперь утолить жажду. Но что такое два ведра воды? Вода очень быстро закончилась. Мое начальство снова отправило меня с этим же заданием. Я взял с собой двух солдат, и мы направились к колодцу. Целый день мы но-

сили воду, наши противники тоже в таком же количестве доставляли ее для своих солдат. В этот день не раздалось ни единого выстрела.

Наутро кто-то из моих однополчан решил самостоятельно сходить за водой. Оружейные выстрелы заставили нас встрепетаться. Мы поняли: погиб наш товарищ. Затем со стороны русских пробовали пройти к колодцу, но и этого смельчака подстрелили. Тогда стали слышны крики:

– Мы снова хотим пить, посылайте Франца!

– Да, только ему одному удалось невредимым вернуться назад! – добавляли солдаты.

– Сам Бог хранит его от пуль, никто не хочет больше рисковать! – доносились до меня реплики военных.

Мне было снова приказано отправиться по проторенной дороге – за водой. Командир осторожно поглядывал на меня и сверлил своим взглядом. Ему сложно было признать, что мой Бог принес мне победу, ведь все мое начальство образно уже поставило памятник на моей могиле.

– Ладно, Франц, иди снова. Возьми с собой двух солдат и шесть ведер. И как тебе это удалось?..

Таким образом, с Божьей помощью я мог несколько дней ходить за водой, и уже никто не испытывал жажды.

Через три дня русские перешли в наступление и погнали нас. Противник побеждал, мы оказались зажатыми в одной деревушке. Бой проходил на кладбище, и что не смогла сделать артиллерия – принялись доделывать казаки.

Они были очень бравыми, удалыми: могли рубить шашками в любом положении, опускались в седле до земли и могли выполнять на лошадях всякие фокусы. Словом, были очень натренированными вояками на ретивых скакунах. Они принялись рубить шашками всех венгров, австрийцев: вонзив саблю в одного, быстро скакали за следующей жертвой. Все происходило на моих глазах с такой быстротой, что я едва успевал опомниться. От острых сабель падали на землю меж могил мои соотечественники, истекая кровью.

От увиденной картины мне стало дурно. Я прислонился к кресту и закрыл глаза для молитвы: всей своей душой я обращался к Богу и просил защиты и помощи в этой непростой ситуации. Сколько прошло времени – я не знаю. Когда я открыл глаза, увидел, что все лошади исчезли. В тот момент мне показалось, что никого больше на кладбище нет. Я обернулся и увидел, что со стороны русских остался один-единственный казак. Он летел прямо на меня, крепко сжимая саблю в своей руке.

И в эту минуту в мое сердце закралось сомнение: такой агрессивный, воинственный казак точно убьет меня, если я снова закрою глаза для молитвы. Его яростное лицо, сверкающие лютой злостью глаза наполнили меня страхом, ледящим кровью. Я стал осматриваться возле себя и увидел мертвого товарища. Рядом с его телом лежала винтовка. Мне пришла одна мысль: что, если я подниму это оружие и направлю на казака, чтобы поугатать его. Может, он отступит, и я останусь в живых?

Не знаю почему, но я зацепился

за эту идею, хотя много раз испытывал на себе Божью защиту в минуты молитв – искренних и сердечных. Это внезапно сокрушившее мой дух сомнение вмиг затмило мою веру и прежнее упование, и я наклонился за винтовкой. Думал, что неприятель проскачет мимо, испугавшись меня с оружием в руках. Но не тут-то было!

Не успел я полностью выпрямиться, как уже был ранен. Мой противник молниеносно приблизился и вонзил в меня саблю возле самого сердца. У меня в глазах все потемнело, поплыло, и я упал на землю.

Потом меня взяли в плен. Мою рану в лазарете залечили, и затем отправили в ссылку – в холодную, далекую Сибирь.

Это было очень трудное время – я был без документов, без родных, без жилья, не зная языка. Часто приходилось мне ночевать на берегу реки Енисей. Хоть и холодно, и зябко, а деваться некуда. Моим пристанищем были брошенные старые лодки, и я не боялся брать их в «аренду».

Зимой, когда шел снег, переворачивал лодку вверх дном, приносил туда сено, солому, сворачивался калачиком и спал. Даже зимовал таким образом – другого приюта нигде не мог найти.

Со временем власть в стране менялась, но мое положение не стало лучше: стать русским я не мог, вернуться на Родину не получалось. Мои документы никто не восстанавливал, и мое положение было очень тяжелым. Бог давал мне сил все это выдержать. Я смирился с такими обстоятельствами и остался в России.

Вскоре я встретил свою буду-

щую супругу, у нас родились дети. С Божьей помощью нам удалось построить маленький домик. Я нашел в городе баптистскую церковь и стал регулярно посещать ее, все свои проблемы, нужды принося пред престол Всемогущего. Мне доверили дирижировать хором в этой церкви, хоть я до конца так и не выучил русский язык, и я с радостью принял это служение.

Ты, возможно, спросишь меня: зачем я все это тебе рассказал? Моей целью было важное напутствие – никогда не сомневайся в силе Божьей! Никогда не подвергай сомнениям Его обетования! Никогда не наклоняйся вниз под гнетом обстоятельств, чтоб поднять собственные доводы и умозаключения вопреки Божественным законам, как в случае с винтовкой. Не вступай в сделку со своей совестью! Цени эту внутреннюю свободу – во всем доверять Богу и уповать только на Него!

Я честно признаюсь тебе: шрам на моем теле до сих пор служит мне напоминанием. Он безмолвно свидетельствует мне: доверяй Богу при любых обстоятельствах. Мое сомнение чуть не стоило мне жизни и всех тех благ, которые Бог предусмотрел даровать в будущем. Поэтому, друг, держи, что имеешь, и никогда, ни в каких условиях не давай сомнениям укорениться в твоём сердце.

Эта история, рассказанная старым Францем, глубоко врезалась в мою память. Много лет она служит мне добрым наставлением, хранит от горьких ошибок и напоминает о простых истинах Слова Божьего: никогда не сомневаться в любви Христа и Его милосердном заступничестве. Она призывает меня помнить о верности Бога в любых, даже смертельных ситуациях. Возможно, в твоей жизни иногда встречаются сомнения, но силой Божьей ты можешь их победить. Именно поэтому я и решил поделиться этой, подтвержденной самой жизнью, правдой с тобой, дорогой читатель.

Андрей Осельский

ПОД КОЛЕСАМИ ЖИЗНИ

(сестра, которая всегда улыбается)

Когда недавно я объявил после Богослужения, что нужно собрать пожертвования на операцию сестре Анне Григорьевне Михайленко, многие спрашивали: «А кто это?» Сказал, что Мида, – вопросы отпали. Так ее называли в семье с малых лет, так перешло и в церковь.

И хотя ей идет седьмой десяток, ее по-прежнему называют Мидой. Сестра из новообращенных, передавая деньги на операцию, тоже сказала, что не знает, кто это. Но когда ей пояснили, что это Мида, которая без обеих рук, то новообращенная сразуотреагировала:

– А, это та, которая всегда улыбается!

Сестра без обеих рук, которая всегда улыбается. Такой ее знают в нашей церкви все. Но не все знают, как она лишилась рук, как Бог вел и ведет ее по жизни. Сама по себе это уникальная история.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Отца сестры Анны Григория Кузьмича Ткаченко я хорошо помню. Он был пресвитером в селе Выгодное Ново-Николаевского района. Тихий, спокойный, ни на что никогда не жаловался, всем был доволен. После войны его арестовали за беседу о Боге в кругу сотрудников на заводе железобетонных конструкций. Веру свою он не афишировал, но и не скрывал. За эту беседу в 1947 году он получил 4 года заключения и полностью отбыл свой срок.

Мида родилась в семье первой, потом появились Люба и Валя, а самым меньшим был брат Виктор. Отец всем дал образование, но это как-то удалило детей от Бога. Мида окончила педагогическое училище, где на уроках атеизма ей занижали оценки, потому что у нее родители были верующими. Учебником на уроках атеизма была книга Ярославского «Библия для верующих и неверующих». Усердие педагогов принесло плоды, и Мида окончила училище гордой, уверенной в себе, в том, что человек (а не Бог) является творцом своей судьбы.

Родители печалились и молились, а она быстро продвигалась по служебной лестнице. Сразу после учебы – назначение директором школы в маленькое село Терноватое Васильевского района, потом – директором школы в селе Щербак, того же района. Школа большая под стать селению; известность среди местной интеллигенции подпитывала гордое, самоуверенное сердце. И она еще больше утверждалась в той мысли, что судьбу можно строить без Бога. Вышла замуж за Леонида Михайленко. Перешла работать в Запорожье, в 77-ю школу учителем физики и математики. Позже там же стала завучем. Новое назначение – райотдел образования в Вольнянске, а потом – Запорожский областной отдел.

Муж работал на железной доро-

ге сцепщиком вагонов на станции Запорожье Левое. Начал выпивать, стал часто приходиться с работы пьяным, а в семье уже трое детей. Мужа любила, поэтому уволилась с любимой работы и пошла на железную дорогу, чтобы помочь ему удержаться от пьянства. Когда по графику он был на работе – готовила обед и носила ему прямо на работу.

Однажды отнесла обед и возвращалась домой. Рядом двигался грузовой поезд, и она не услышала, что сзади катятся с горки вагоны с металлургического предприятия. Кто-то отнесся небрежно и не убрал торчащую толстую проволоку. Когда вагон поравнялся, эта проволока зацепила ее и швырнула в сторону идущего поезда. По милости Божьей упала между рельсами и осталась жива. Подняла голову, но какой-то балкой ударило по затылку, и она на короткое время потеряла сознание. Потом открыла глаза, а ее тянет по шпалам. Схватила за рельс, оторвалась, но колесо успело переехать кисть левой руки. Сразу даже не заметила.

Успела перекатиться через рельс и отползти к бетонному забору. И только тут заметила, что вместо левой кисти кровавое месиво. Увидели люди, вызвали «скорую помощь», и в больнице ампутировали поврежденную часть руки. Глядя на забинтованную ниже локтя культышку, пришла в ужас. Эта беда случилась 24 декабря 1985 года, в канун Рождества. Вскоре приехал отец, зашел в палату, увидел свою старшую дочь в трагической ситуации и со слеза-

ми на глазах сказал:

– Мида, это тебе от Бога последнее предупреждение. Рука заживет, боль утихнет; есть еще правая рука, ноги целые, голова на месте, но страдания в аду без Бога никогда не закончатся.

СПАСЕНИЕ

Эти слова врезались в сознание, и на пятый день после аварии, 29 декабря, перед новым годом пришел страх перед Всемогущим Богом. Вся гордость и самоуверенность рухнули; их, как прошлогодние листья, смыло слезами раскаяния. Прямо в палате упала на колени и каялась перед Богом. Никого не было рядом, никто не мешал рассказать Богу обо всем, что мешало раньше примириться с Ним. Только теперь ей стало ясно, что без Бога, без надежды на вечную жизнь все достижения земного пути, как песочный замок, который строят дети. Один взмах руки – и ничего нет.

Выплакав все свое прежнее неверие, поднялась с колен и твердо решила следовать за Господом. Муж подумал, что все это под впечатлением беды, а потом пройдет. Выйдя из больницы, пошла на Богослужение в баптистский молитвенный дом и покаялась в переполненном собрании.

3 февраля 1986 года запомнилось ей большой радостью, а особенно – радостью родителей. А 3 августа, по поручению братьев Григорий Кузьмич совершил крещение уверовавших, и с особой любовью крестил он свою старшую дочь. Прошло немного времени, и Господь отозвал его в вечные обители. Дочери Люба и Валя на похоронах плакали, обращаясь к умершему отцу:

– Кто же теперь будет молиться о нас? Кто теперь будет нести нас и наших детей к Богу?

Через некоторое время после похорон Мидины сестры решили поехать к лучшему другу отца Павлу Петровичу Кнышу. Он встретил их со своей женой Зинаидой Васильевной. Они долго беседовали на духовные темы, и в тот же день обе покались. Как важно верующим иметь хороших, духовных друзей, чтобы наши дети знали, кто они, и где

можно найти духовную поддержку, когда болит душа.

Старшие дети Сергей и Ира пошли своими путями, и только Юлечка осталась верной помощницей своей маме, которая училась жить с одной рукой. Муж свyksя с мыслью, что жена уверовала, что теперь у нее только одна рука, и частенько утешал себя спиртным.

ИСПЫТАНИЕ

Злоключения Миды на этом не закончились. Юле было уже 10 лет, когда 24 апреля 1992 года ее мама опять попала под поезд. Спешила на работу и на станции Запорожье-2 не заметила, как сзади накатилось на нее новое несчастье. Вагон толкнул резко и неожиданно. Чем-то зацепило и потянуло по шпалам. Слева и справа колеса, а впереди стрелочный перевод.

– Ну, вот и все! – молнией мелькнула мысль. В одно мгновение клочок волос попадает в щель отходящего в сторону рельса. Вагон тянет туловище, а голова зацепилась. Переворачивает через рельс, вагон покатился дальше, а правая рука осталась лежать по другую сторону рельса, отрезанная по самое плечо.

Через несколько дней я собрался с духом и решил посетить ее в больнице, не зная, чем утешить сестру, оставшуюся без обеих рук. Какие только слова ни готовил для этой встречи; мысли роились и путались, и я решил только молиться. Когда зашел в палату, вечернее солнце как раз осветило белые простыни, под которыми лежали больные.

На постели возле окна увидел плечо, забинтованное окровавленными бинтами. Я назвал имя, и ко мне повернулось спокойное лицо нашей сестры. Увидев меня, она широко улыбнулась, и ее первыми были слова: «Леонид Алексеевич! Слава Богу! Осталась жива, могло быть хуже!» – и она принялась рассказывать, как это произошло. Сколько благодарности Богу я услышал в это посещение! Несколько раз заглядывала медсестра. И каждый раз, видя радостное лицо больной, тут же закрывала двери.

Время летит быстро, особенно если беда случается не с тобой, а с

другими: сестра Мида выписалась домой. Нужно было учиться жить без обеих рук. Тем более, что Юлечке скоро в школу. В августе, через несколько месяцев после выписки из больницы, когда рана на плече еще заживала, случилось новое горе, новая рана, но уже на душе. Любимый муж, собрав вещи, ушел от безрукой жены к другой женщине. Мида осталась на первом этаже, а он перебрался в этом же подъезде на третий этаж.

Стиральной машины тогда у нее не было, и она, сидя в ванной, ногами стирала белье. К ложке приделали кольцо, научилась кушать култышкой левой руки. К телефонной трубке тоже приделали кольцо, и она умудрялась звонить, накручивая диск телефона карандашом, который держала зубами. Писала тоже ртом. Положит лист бумаги, придавит статуэткой и пишет короткой ручкой, зажатой в зубах. Почерк получался красивый, ровный.

ОТВЕТ В ВЕРУЮЩЕМ СЕРДЦЕ

Но самое главное – не падала духом. Всегда с Юлей была в собрании. Когда в их поселке образовалась новая церковь, она перешла в нее и, вспомнив о своем педагогическом образовании, стала учителем воскресной школы.

Где бы вы ее ни встретили, она всегда улыбается. Одно время подрабатывала на рынке. Необычный безрукий продавец был общительным. Люди сами выбирали хозяйствы на ее столике, сами клали в тарелочку деньги, сами брали сдачу.

Однажды поспешила за внуца-

тами, которые по дороге из собрания побежали к маршрутке. И упала. Сломала ногу. Снова на долгое время недвижимость. Гипс. Я даже написал стихотворение по этому поводу:

У ВЕРЫ ЕСТЬ ОТВЕТ

*Побежала, чтобы защитить
внучат –
И упала резко на дорогу;
Падающих могут руки
вырывать,
А она без рук... Сломала ногу.
В гипсе вся, и без обеих рук,
Как сосна на просеке без веток.
Только лишь неровный сердца
стук
Задаёт вопросы без ответов:
Почему бывает с нами так,
Что к беде сбегаются все беды?
И густеет, без просвета, мрак,
И не видно звездочек на небе?
«Где же Бог твой? –
искушает бес, –
Что же Он не смотрит
за своими?»
И затягивают тучи свод небес,
Чтобы веру превратить в руины.
Но у веры есть на все ответ:
Вера учит доверяться Богу,
И во тьме крошечной виден свет,
Коль на Небо нас ведет дорога.*

Сегодня говорил с ней по телефону. Сказала, что в ее теле найдены раковые клетки и сделали какую-то операцию. И сказала голосом, полным оптимизма и доверия Богу, что полностью вручила свое будущее в руки Небесного Врача.

Вспоминаю слова ободрения страдающим детям Божиим: «*Не оставляйте упования вашего, которому предстоит великое воздаяние. Терпение нужно вам, чтобы, исполнив волю Божию, получить обещанное; ибо еще немного, очень немного, и Грядущий придет и не умедлит. Праведный верою жив будет...*» (Евреям 10:35-38).

Л. А. Петренко

ОТЕЦ СИРОТ

Старушка вышла из магазина, опираясь на костыль одной рукой, а в другой несла сетку с бутылкой молока и буханкой хлеба. Она с трудом доковыляла до ближайшей скамейки и хотела присесть, когда заметила на скамейке узел, неизвестно кем оставленный. Осмотрелась по сторонам, чтобы определить, кто бы мог забыть этот узел, но никого не заметила. Отодвинув узел в сторону, она собралась присесть, как вдруг, заметила, что узел зашевелился.

«**Н**аверное, котят выбросили, – решила она, развязывая узел. – Нет, не котята, наверное, щенята, – продолжала разговор сама с собой старушка. – И кто в это тяжелое время собак разводит, если людям есть нечего? Интересно, какой же породы эти щенки?»

Она развязала узел. На нее смотрел ребенок, мальчик с посиневшим от мартовского холода голеньким тельцем.

– Горемычный, кто же тебя так бросил? – прослезилась старушка. – Господи, спаси сиротку...

Она сгрэбла узелок и прижала к себе:

– Миленький, кто же тебя так бросил, как щенка, ведь ты же человек! Тебя надо куда-то определить.

Старушка заковыляла с ребенком в сторону магазина. Недалеко она увидела милиционера и стала громко его звать.

– Бабушка, что случилось, что вы так кричите? – сказал подвыпивший веселый милиционер.

– Вот, ребенка нашла. Замерзает он. Определите его куда-нибудь, пока еще живой.

– Смотрите, я клад нашел! – крикнул милиционер, заходя в участковое отделение.

Он положил узел на стол и стал развязывать. Милиционеры с любопытством окружили стол.

– Вот так клад! Ничего себе!

– Что будем с ним делать?

– Давайте сначала дадим ему имя!

– Да он не выживет. Смотрите, какой худой, одни мощи.

– Вот и будет у него фамилия Мощеев. Так и запишем.

– А имя?

– Давайте назовем его Вил.

– Запишем Вил, а называть будем Владимир. Так, теперь отчество.

– Михалыч! Ты его принес, вот и будет он у нас Михалыч.

На бумаге записали Мощеев Вил Михайлович и отправили ребенка в Дом малютки. Время от времени милиционеры дружно посещали

малыша и интересовались – жив или нет. Но малыш выжил.

Вил рос замкнутым, раздражительным ребенком. У него не было друзей; он стремился уединиться где-нибудь и читать книги – это было его самым любимым занятием. Учился он хорошо. Выпускной из детского дома во взрослую самостоятельную жизнь совпал с началом войны.

Вил отправился записываться добровольцем на фронт. Ему ничего не оставалось делать, так как к самостоятельной жизни он не был приспособлен. Но в военкомате его даже слушать не стали – мал еще. Тогда Вил, пройдя в дальнюю часть военкомата, уселся на полу и решил сидеть там до тех пор, пока его не заметят. Ему некуда идти, никто его не ждет. Лучше уж пойти на войну и там погибнуть, защищая Родину.

Вил очень хотел есть и спать и, свернувшись в комок, заснул. Его разбудил толчок в спину. Перед ним стоял старый вахтер:

– Сынок, ты почему тут, почему домой не идешь? Мамка, наверное, давно заждалась и ищет тебя.

Слово «сынок», как елей, растекалось по его сердцу. Впервые в жизни его кто-то назвал сынком. Как же это приятно! Вил медленно просыпался:

– Никто меня не ищет. Никто не ждет, и мамки у меня нет!

– Как нет? – допытывался вахтер. – А откуда ты взялся?

– Я из детдома. Пришел записываться на фронт добровольцем, а меня не хотят брать, говорят: мал еще.

– Так вот оно что, – вахтер раз-

глядывал его, – но и здесь тебе нельзя. Пойдем ко мне в каптерку. Наверное, сынок, ты голоден? Ты сегодня хоть ел что-нибудь?

– Нет, не ел.

– Сейчас мы посмотрим, что мне тут моя старушка завернула, – суетился вахтер, разворачивая узелок с продуктами. – Возьми, сынок, ешь сам, а я обойдусь.

Вил в два счета все проглотил. Он бы съел десять таких бутербродов.

– Больше ничего нет, чем богаты, тем и рады, – сокрушался вахтер. Утром что-нибудь решим, а пока ложись здесь, на лавку. На фронт сейчас тебя не возьмут, и возраст твой не подходит, да и смотришься ты не очень солидно.

Старик суетился вокруг Вила, подкладывая под его голову свою телогрейку.

– Так, вот что, будем пытаться устроить тебя в военное училище. В Пехотном у меня есть знакомый офицер. Буду просить его за тебя. А пока поспи спокойно.

Утром вахтер отвел Вила к себе домой. Старушка накормила его вареной картошкой и солеными огурцами, а затем вахтер повел его устраивать в Пехотное училище. Вил остался ждать у дверей, а вахтер ушел и долго не возвращался. Ему показалось, что прошло несколько часов, прежде чем вернулся вахтер.

– Пойдем со мной, кажется, удалось договориться.

Владимира приняли. До начала занятий было далеко, и вахтер позвал Вила пожить у него. Жена вахтера тоже называла Вила «сынок», кормила картошкой и часто гладила по голове. Вил старался угодить

старикам. Перекопал огород, носил воду, подметал двор.

Начались занятия в училище. Его одели в новую военную форму и выдали блестящие сапоги. Как же было приятно! Вил учился на «отлично», и время летело незаметно.

И вот, в звании лейтенанта, Вил отправился на фронт. В дороге он познакомился с другим лейтенантом. Звали его Иван, и был он старше Вила лет на десять. Вила так и тянуло к Ивану. Было в нем что-то особенное. Он не курил и не употреблял спиртного, был всегда вежлив и почтителен. Как-то Иван сказал Вилу:

– Володя, ты похож на моего сына Кольку. Ты не обидишься, если я буду называть тебя сыном?

Вил был только рад этому. Ивана часто посылали в разведку. Он был честным и добросовестным. Иногда он тихонько уединялся, а Владимир наблюдал за ним. Вил видел, как Иван тоскует по семье: о жене и сыне. Иван постоянно о них рассказывал, и вскоре Вил уже все знал о жене Маше и сыне Кольке.

– Вот закончится война, – мечтал Иван, – и, если даст Бог, я приеду в наш поселок. А мой Колька будет бежать мне навстречу. Моя жена верна мне, любит меня, и я ее. Она тоже будет меня встречать. А ты, сынок, давай тоже, как закончится война, поедem со мной! Там у нас знаешь, какие красивые девчата? Женишься, дадут в бараке комнату. К нам на работу пойдешь, там хорошо платят. И заживем!

– Нет, дядя Ваня, я никогда не женюсь! И детей у меня никогда не будет.

– Это почему же?

– Я дал себе слово! Я обижен на судьбу. Почему у других есть и мать, и отец, почему других кто-то ждет, кто-то думает о них, а меня никто не ждет и никому я не нужен? Моя мать бросила меня младенцем, а отца вообще не было. Я – круглый сирота!

– Остановись, Владимир. У тебя есть Отец, – Иван хлопнул Вила по плечу.

– Есть отец? – Вил аж подскочил с места. – Где он? Кто он?

– Твой Отец – Бог. Он Сам ска-

зал: «Я – Отец сирот».

– Да? Я никогда не слышал об этом. Кто тебе это сказал?

– В Псалмах написано: «Отец сирот и судья вдов – Бог во святом жилище». А еще так сказано: «Ты видишь, ибо Ты взираешь на обиды и притеснения, чтобы воздать Твоею рукою. Тебе предает себя бедный; сироте Ты помощник». Вот видишь, Володя, ты имеешь преимущество перед другими, потому что Бог слышит молитву сирот. Если тебя будут обижать, и ты пожалуешься Богу, то Он заступится за тебя. Бог повелел: «Ни вдовы, ни сироты не притесняйте». Серьезное предостережение Бог делает людям, которые обижают сирот: «...если ты притеснишь их (сирот), то, когда они возопиют ко Мне, Я услышу вопль их... и воспламенится гнев Мой, и убью вас мечом, и будут жены ваши вдовами и дети ваши сиротами». А Иисус Христос обещал: «Не оставлю вас сиротами; приду к вам». В Библии много написано в поддержку сирот. Иисус Христос дал молитву, чтобы к Богу обращались как к Отцу: «Отче наш, Сущий на небесах».

Теперь Вил молился молитвой «Отче наш», и уже много знал мест из Священного Писания.

– А на мать свою ты, Володя, не обижайся, – поучал дядя Ваня, – будь благодарен ей хотя бы за то, что она выносила тебя в трудностях в своем теле девять месяцев, питался ты ее кровью, что родила тебя в муках. А что оставила тебя, так это, наверное, труднейшие условия в ее жизни заставили сделать это. В Библии написано: «Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? Но, если бы и она забыла, то Я не забуду тебя». Возможно, что твоя мать оставила тебя, а сама наблюдала со стороны, что будет с тобой. Возможно, до сих пор она думает о тебе. Ты прости ее. Закончится война, и мы с тобой будем заботиться о своих семьях и детях, чтобы они были счастливы, потому что отцы должны нести ответственность за своих детей, воспитывать их, обеспечивать и заботиться о них, а не переключивать все на слабые плечи своих жен...

Война подходила к концу. Все го-

товились к демобилизации. У всех на устах только и были разговоры о доме, о семье, родных и близких. Только Вил мрачнел все больше и больше. Его страшила мирная жизнь и возвращение на родину.

Неожиданно их отряд попал под обстрел отступавших немцев. В бою был смертельно ранен Иван. У Вила разрывалось сердце, когда он смотрел на умирающего Ивана: «Почему не я? Ведь Ивана так ждут его жена и сын Колька!» Вил готов был сам умереть вместо Ивана. А Иван, чувствуя приближение смерти, спешил передать поручение Вилу:

– Володя, видишь, не судьба мне вернуться к семье. Я прошу тебя, обещай исполнить мою последнюю просьбу... Возьми в моем кармане все мои документы и письма из дома. Как демобилизуешься, сразу поезжай в наш поселок. Пойди по адресу на конверте, расскажи все Маше и Кольке, что я умираю с молитвой на устах о них. Я вручаю их Господу на Его попечение. Бог – защитник вдов и сирот...

Затем, устремив взгляд на небо, Иван еле слышно зашептал: «Господи, Отец небесный, позаботься о сыне Коле и Маше». Иван еще что-то беззвучно шептал и вскоре затих... Вил взял из кармана мертвого Ивана все содержимое и долго смотрел на небо – туда, куда смотрел умирающий Иван...

Не прошло и месяца, как демобилизованный Вил ехал по адресу, указанному на конверте. Наконец, нужный поселок и дом барачного типа.

Вил прокручивал в голове момент встречи с семьей Ивана. Он представлял, как войдет и передаст последний привет от Ивана его жене и сыну, как они начнут плакать, а он, Владимир, перескажет им последнее желание Ивана, его молитву о них и отдаст им вещи Ивана. А сам вернется на вокзал и поедет, куда глаза глядят... Размышляя так, он постучал в нужную дверь.

– Войдите!

Вил открыл дверь, но войти не решился.

– Сынок, посмотри, кто там пришел?

Выбежал мальчик лет восьми. Некоторое мгновение он внимательно смотрел на Владимира, а затем, не дав опомниться, бросился на него с радостными криками:

– Папка приехал! Папка, папка, ты приехал! Я так тебя ждал! Я молился за тебя, и ты приехал!

От волнения Вил поднял мальчика и прижал его к себе, а тот продолжал снова и снова повторять:

– Папа, ты приехал! Я знал!

Мальчик целовал Владимира и в лоб, и в щеки, то в глаза, то в нос, и все приговаривал:

– Мой папка! Родной мой папка!

Выбежала мать, на ходу вытирая руки о фартук:

– Сынок, это не... – она осеклась, видя подаваемые Вилом знаки.

Владимир шагнул к ней:

– Вот мы и встретились с тобой,

Маша, – сказал Вил и нерешительно обнял ее.

Маша горько зарыдала. Сын Колька обнял мать:

– Не плачь, мама, папка вернулся живой-здоровый, а ты плачешь.

Маша торопливо собирала на стол, а Колька забрался на колени к Вилу, рассматривал его погоны и гладил медали:

– Папа, ты генерал?

– Нет, сынок, пока только капитан.

– Ты капитан? Я расскажу пацанам, что мой папка капитан, – они обзавидуются!

А Маша молчала. Слезы так и лились из ее глаз. После обеда мать предложила Кольке погулять на улице, чтобы поговорить с Вилом. Вил тут же решил разрядить обстановку:

– Маша, Иван был мой лучший друг. Я не могу бросить вас с Колькой теперь. Давайте не будем ему ничего рассказывать, а то ведь разобьем сердце мальцу. Если вы согласитесь, я останусь с вами, буду заботиться о вас и воспитывать Кольку.

Маша молчала. Владимир ждал. Она волновалась, по-видимому, внутри ее шла борьба. Затем сказала:

– Но ведь мы с вами даже незнакомы!

– Действительно, простите, Маша. Не важно, как меня звали до сих пор, но с этого момента меня будут звать Иваном, так как Колька принял меня за своего отца. Если вы не против.

– Хорошо, но я ничего не знаю о вас! – перебила его Маша. – Вы женаты, дети у вас есть?

– Я никогда не был женат и детей у меня не было.

– Но ведь я старше вас! Вы бы могли найти себе молодую девушку.

– Мог бы, но никого искать не хочу. Колька уже все решил за нас.

– А теперь главное, – Маша решительно посмотрела на Вила. – Я христианка и являюсь членом церкви евангельских христиан-баптистов. При крещении я дала обещание Богу доброй совести и просто так сойтись и жить, как вы предлагаете, я не могу. Только законно, только в Господе, только повенчавшись.

– Я согласен.

– В нашем поселке нет церкви, а только в соседнем селе, около пяти километров.

– Тогда не будем терять время, – Вил решительно поднялся.

Через час они уже подходили к дому пресвитера. После непродолжительной беседы пресвитер понял, что Вил готов вступить в завет с Господом через водное крещение и повел их к реке. После крещения пресвитер обвенчал их у себя в горнице и на прощание дал им совет:

– Уезжайте, дорогие мои, отсюда как можно скорее. Злые языки посеют в Кольке всякое сомнение.

Вил и Маша долго медлить не стали, и уже на другой день они ехали втроем в поезде, который увозил их в горный Владикавказ. Колька так и не узнал, кто его настоящий отец, потому что Вил был для него самым лучшим отцом.

Евгения Карабанова

вопрос-ответ

СОГЛАСЕН, НО...

«...Исследованием религии я занимаюсь много лет. Хотите знать, к каким выводам я пришел? Отвечу. Религия не разрешает проблемы мира среди народов. От пропаганды религии мало пользы. Дай сейчас все права и свободу религии – и повторятся средние века, начнутся кровопролитные крестовые походы или что-нибудь в этом роде.

Не забудьте, что в слово «религия» я включаю и баптистов тоже».

Вы говорите, что исследованием религии занимаетесь много лет. Это похвально. Но вот Слово Божие учит так: «Испытайте самих себя: в вере ли вы?» (2 Кор. 13:5).

Знаю, ваши доводы основаны на фактах, и против них нельзя ничего сказать. Но все ли факты вам известны?

Верно, что религия сама по себе не разрешает проблемы мира. Но Христос может это решить, потому что Он мир наш, в Нем наша свобода и счастье.

Мы проповедуем особую религию, основанную только на Писании, – веру в живого Бога, воз-

рождающего душу человека, делающего его новой тварью.

Знаю, что для некоторых и баптизм стал только разновидностью религии. Я в наследственный баптизм не верю. Первый религиозный человек, приносивший Богу жертву, позавидовал родному брату и пробил ему голову, вероятно, камнем. Его имя – Каин.

Среди невозрожденных религиозных людей это повторяется и сегодня. Верно, что «дай им только права, и в жестокости они не уступят атеистам». За примерами ходить далеко не нужно. Но Истина остается Истиной: «А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал

власть быть чадами Божьими, которые ни от крови, ни от хотения мужа, но от Бога родились» (Ин. 1:12-13). Они проповедники мира и любви.

Дети Божии всегда были, есть и будут миротворцами. Они прощают, и потому война между ними невозможна.

Николай Водневский

ПОЧЕМУ ГИБНУТ ДЕТИ?

Господь Иисус Христос всегда ставил в пример детей, ценил их. Почему при рождении Христа погибли невинные дети? Ведь Бог знал, что Ирод за Христа уничтожит детей. Где милость Божья? Второе: Елисей именем Господним уничтожает детей, назвавших его плешивым. Из леса вышла медведица и растерзала их. Помогите в этом разобраться.

Хотя в обоих случаях речь идет о гибели детей, все же это различные ситуации. Поэтому мы рассмотрим их по отдельности.

Итак, почему при рождении Христа погибли невинные дети? Должен сказать, что дети погибали и до Христа, и после Христа. И сегодня дети гибнут от выстрелов и бомб на Ближнем Востоке, в Африке и других частях мира. Миллионами исчисляется число детей, ежегодно умерщвленных в стерильных операционных по желанию их матерей. Так что этот вопрос выходит за рамки одного только случая. Его можно сформулировать так: почему страдают невинные люди? Или еще шире: почему Бог допустил зло в мир?

Обвинение серьезное, но не по адресу. Бог как раз не виноват в том, что зло появилось в мире. Зло возникает там, где Бога нет. Если можно в чем-то обвинить Бога, так это в бесконечной любви. Во всех действиях Божьих в отношении человека видна любовь. Во-первых, Божья любовь видна в творении. Бог создал людей по образу и подобию Своему. Бог предоставил людям право самим делать выбор. Т. е. Он сделал людей совершенными по своей сущности существами. К сожалению, люди отвернулись от Бога, от Источника жизни и любви, и избрали путь зла. Меня удивляет, что люди, не желающие жить по Божьим законам, гордо кричащие о своей свободной воле и не позволяющие Богу действовать в их жизнях, когда приходит время расплаты за грехи – результаты их дел обрушиваются на них – громко кричат: «А где же Бог? Где Его любовь?»

Бог на месте. Там, где Он находится, там царят мир и гармония.

Вот только людей рядом с Ним нет. Почему Бог так мало вмешивается в земные дела? Ответ тот же – потому что Он любит людей. Бог держит ситуацию на контроле и, когда необходимо, вмешивается в земные дела. В 3-й главе книги пророка Софонии написано: *«Господь праведен посреди него, не делает неправды, каждое утро являет суд Свой неизменно; но беззаконник не знает стыда»*. Радикальное вмешательство Бога в историю оставило бы землю безлюдной пустыней, как во времена потопа. То, как трудно Богу терпеть зло в мире, мы не можем себе представить. *«Чистым очам Твоим не свойственно глядеть на злодеяния, и смотреть на притеснение Ты не можешь»*, – говорит о Боге пророк Аввакум (1:13). Мы видим только некоторые проявления зла, и они приводят нас в шок. Бог видит все, что происходит в мире. Только ради Крови Христа, искупившего мир, Бог долготерпит людей, предостав-

ляя им возможность спасения.

Все зло в мире является следствием греха, но не всегда это бывает наказанием за личные прегрешения. Мы все живем в мире, искаженном грехом; в котором свирепствуют болезни, голод, войны, преступность. Никто, даже верующие, не избавлены от проблем этого мира. Кладбища – это самые печальные места на земле, свидетельствующие о силе смерти. На кладбище в нашем городе есть уголок особой скорби – это детский квартал. Сердце сжимается от боли, когда видишь на памятниках портреты улыбающихся мальчишек и девчонок, а под ними – куклы и другие любимые игрушки детей. Многие из этих детей не успели согрешить, но смерть предъявила на них права, потому что бремя греха лежит на всем человечестве.

По этой причине умерли и дети в Вифлееме. Царь Ирод, отдавший приказ об избииении младенцев, был жестоким, коварным и порочным

правителем. Стремясь упрочить свою власть, он умертвил свою жену Мариамну и своих сыновей – Александра и Аристовула. За пять дней до смерти Ирод приказал казнить своего старшего сына Антипатра. Он знал о ненависти, которую к нему питали иудеи; и, чтобы они не радовались его смерти, приказал арестовать знатных израильтян и умертвить их в день своей смерти, чтобы в Иудее был траур. Гвардия Ирода не выполнила этот приказ, и невинные люди были освобождены. Так что приказ об истреблении младенцев был результатом испорченности Ирода. Господь в этой ситуации сверхъестественным образом спас Младенца Иисуса, Которому надлежало совершить искупление людей на кресте.

И последнее замечание по этому вопросу. Вы написали, что невинные младенцы в окрестностях Вифлеема умерли за Христа. На самом же деле произошло обратное: Христос умер за этих младенцев и за всех людей, чтобы они могли иметь прощение грехов и вечное спасение.

История о медведице, растерзавшей детей, записана во 2-й главе 4 книги Царств: «И пошел он [т. е.

Елисей] оттуда в Вефиль. Когда он шел дорогою, малые дети вышли из города и насмеялись над ним и говорили ему: иди, плешивый! Иди, плешивый! Он оглянулся и увидел их, и проклял их именем Господним. И вышли две медведицы из леса и растерзали из них сорок два ребенка».

Хочу сразу отметить, что это произошло до времени закона, т. е. до Рождения Христа. Закон, данный Богом Израилю, управлял всей жизнью евреев. Закон предписывал, что они могли делать и чего не должны были делать. В отношении почтения к старшим в законе было написано: «*Пред лицом седого вставай и почитай лицо старца, и бойся Господа Бога твоего. Я Господь*» (Левит 19:32). То, что эта заповедь была помещена рядом с такими строгими повелениями, как запрещение блуда и обращения к волшебникам, которые карались смертью, указывает на ее важное значение.

Дети, гулявшие в окрестностях Вефиля, не были наставлены в Божьем законе и оскорбляли человека, которого в первый раз видели. По закону они должны были понести наказание. Бог видел, что их сердца

были безнадежно испорчены грехом и гордостью. Поэтому Он совершил над ними такой страшный суд. Вы спрашиваете: «Где здесь милость Божья?» Милость и любовь Божья проявлялись в том, что Он различными способами, иногда строгим наказанием, обуздывал грех, не давал злу беспрепятственно распространяться в мире. «*Ибо когда суды Твои совершаются на земле, тогда живущие в мире научаются правде*», – написано в книге пророка *Исайи 26:9*.

Теперь, конечно, время благодати, когда Бог милует и долготерпит людей. Но нам, все-таки, не следовало бы забывать о Божьем правосудии. Божье отношение ко греху не изменилось. Просто Бог согласился дать грешникам более долгую отсрочку. Но время суда придет обязательно! Поэтому, не стоит испытывать терпение Бога.

Будем сами исполнять Его заповеди и учить этому своих детей.

Павел Тупчик

Митання для християн перед одруженням:

До кожного з перелічених розділів додаються два важливі питання:

- Як ти реагуватимеш на відмінності у поглядах і переконаннях?
- Чи погодишся на компроміс, і на який, заради збереження стосунків?

Теологія:

– У що саме ти віриш? Писання, Трійця, створення Всесвіту і людини, гріх та гріхопадіння, Ісус Христос, спасіння, молитва, церква, дари Святого Духа?

– На основі чого ти формуєш свої християнські погляди? Як і коли читаєш Біблію?

– Як ти реагуватимеш на відмінності у поглядах і переконаннях?

– Чи погодишся на компроміс, і на який, заради збереження стосунків?

Церква та духовність:

– Наскільки важливі для тебе богослужіння і участь у церковному житті?

– Наскільки важливо бути в домашній групі?

– Який стиль музичного прославлення для тебе прийнятний?

– Як ти зростаєш у вірі (молитва, читання Біблії, запам'ятовування віршів, роздумування над ними)?

– Як наша сім'я буде духовно зростати, і хто виконуватиме роль лідера в цьому процесі?

– Як ти реагуватимеш на відмінності у поглядах і переконаннях?

– Чи погодишся на компроміс, і на який, заради збереження стосунків?

Чоловік і дружина:

– Як ти розумієш біблійні вчення про лідерство і послух у сім'ї? Як це буде проявлятися

Продовження на стор. 30

у нашій сім'ї?

- Як ми розділимо домашні обов'язки: прибирання, приготування їжі, миття посуду, купівля продуктів?
- Твоє бачення поняття «спільне»?
- Якими ти уявляєш наші сімейні вечори?
- Хто розпоряджатиметься сімейним бюджетом? Чи кожний з нас матиме свої гроші?
- *Як ти реагуватимеш на відмінності у поглядах і переконаннях?*
- *Чи погодишся на компроміс, і на який, заради збереження стосунків?*

Діти:

- Чи будуть у нас діти? Якщо так, то коли? Чому саме тоді?
- Скільки матимемо дітей?
- Яка в них буде різниця у віці?
- Як ти ставишся до усиновлення?
- Які твої погляди на виховання дітей?
- Який непослух дитини може стати для тебе останньою краплею? Твої дії у випадку, коли терпіння закінчується?
- Як ти плануєш проводити час з дітьми?
- Як проявлятимеш їм свою любов?
- Як щодо школи: звичайна, християнська чи домашнє навчання?
- *Як ти реагуватимеш на відмінності у поглядах і переконаннях?*
- *Чи погодишся на компроміс, і на який, заради збереження стосунків?*

Спосіб життя:

- Будемо жити у квартирі чи в будинку? Чому?
- Якими мають бути сусіди? Чому?
- Скільки автомобілів матимемо? Ти б хотів нове чи вживане авто?
- Ставлення до грошей. Яку частину ти готовий пожертвувати на церкву?
- Як ти розпоряджаєшся грошима?
- Де купуєш одяг: в крамницях одягу, в стокових магазинах чи тільки під час розпродажу? Чому?
- *Як ти реагуватимеш на відмінності у поглядах і переконаннях?*
- *Чи погодишся на компроміс, і на який, заради збереження стосунків?*

Дозвілля:

- Скільки грошей доцільно витратити на розваги?
- Як часто ми будемо відвідувати кафе чи ресторани? Які саме?
- Як проводитимемо відпустки?
- Чи будуть в нашій сім'ї телевізори? Скільки? Що саме переглядатимемо і як часто?
- Що для тебе головне при виборі фільму? Що саме і чому дозволитимеш переглядати дітям?
- *Як ти реагуватимеш на відмінності у поглядах і переконаннях?*

– Чи погодишся на компроміс, і на який, заради збереження стосунків?

Конфліктні ситуації:

- Що тебе найбільше дратує?
- Як ти справляєшся з гнівом чи роздратуванням?
- Хто, на твою думку, в конфліктній ситуації має зробити перший крок до примирення?
- Що робити, коли одного з нас не влаштовує запропоноване розв'язання проблеми?
- Як ти ставишся до того, щоб лягати спати ображеними, не з'ясувавши стосунки?
- Чи будемо ми у складні моменти звертатися за допомогою до друзів або пастора церкви?
- *Як ти реагуватимеш на відмінності у поглядах і переконаннях?*
- *Чи погодишся на компроміс, і на який, заради збереження стосунків?*

Робота:

- Хто є головним годувальником у сім'ї?
- Чи має дружина працювати? Коли: до народження дітей; поєднувати роботу з їх вихованням; після того, як діти підуть у дитячий садок/школу?
- Твоє ставлення до дитячого садочка? Критерії його вибору?
- Який фактор головний при виборі місця проживання: робота (чия?), родичі, церква?
- *Як ти реагуватимеш на відмінності у поглядах і переконаннях?*
- *Чи погодишся на компроміс, і на який, заради збереження стосунків?*

Друзі:

- Як ти ставишся до того, щоби проводити час із друзями, без чоловіка/дружини? Як часто?
- Що робити, коли хтось із нас любить проводити час з друзями в такий спосіб, а інший/інша бажає завжди бути разом?
- *Як ти реагуватимеш на відмінності у поглядах і переконаннях?*
- *Чи погодишся на компроміс, і на який, заради збереження стосунків?*

Здоров'я:

- Чи є у тебе захворювання або фізичні вади, що можуть вплинути на наші стосунки (розлади харчування, венеричні захворювання тощо)?
- Чи віриш ти у зцілення? Яке місце у твоєму житті займає молитва поруч із традиційною медициною?
- Як ти ставишся до спортивних занять та здорового харчування?
- У тебе є звички, що негативно впливають на здоров'я?
- *Як ти реагуватимеш на відмінності у поглядах і переконаннях?*
- *Чи погодишся на компроміс, і на який, заради збереження стосунків?*

Джон Пайпер

СВИДЕТЕЛЬСТВО БЫВШЕГО ВОРА В ЗАКОНЕ ПО КЛИЧКЕ «МОСКВА»

(Окончание, начало в №№ 154, 155)

Вечером собрание все-таки состоялось – благодаря тому, что я пригласил пресвитеров из других городов. А меня привезли в отделение – ругают, пистолетами машут, допытываются, что за акцию я проводил. Я ответил: «Мы делали дело, порученное Господом. Христос сказал: “Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына, и Святого Духа”». — «А почему ты советский праздник омрачил – у тебя другого дня не было?»

Они кричат, разбираются, а меня в это время в сон клонит – я же ночью не спал. Отключаюсь и слышу: «Смотрите, он еще и спит тут. Проснись сейчас же, а то мы тебя застрелим!» Я очнулся и сказал: «С вами я разговаривать не буду. Я служитель Божий. Давайте мне старшего». И когда пришел генерал-майор пограничной службы, я сказал ему, чтобы он успокоил своих сотрудников. Чекисты – они же хитрые, и он сам стал задавать мне вопросы. Он меня по-дружески спрашивает: «Скажите, кто вы такой? Кого вы крестили? И сколько их было?»

Я говорю: «У вас вот на каждом углу плакаты висят: “Не болтай!”, за разглашение военной тайны вы судите своим судом. У нас тоже есть тайна, и я вам ее рассказать не могу. Я признаю, что я христианин; но кого и сколько я крестил – я вам сказать не имею права». Он объявил, что я не просто враг, я вражище, и что я мешаю им строить светлое будущее. Меня не выпускали несколько часов, этот генерал все кричал на меня. А потом подошел к окну и

удивленно сказал: «Посмотрите, он еще и церковь сюда привел». А в это время вся церковь стояла на коленях возле здания вместе с теми, кто принимал крещение. Вот где сила! Я не один!

Пока я там объяснялся, семью мою ночью посадили в машину и вывезли в «змеиное» ущелье (туда все змеи сползаются в это время года). Власти угрожали моей семье; и вот, они исполнили угрозу, высадив их около одной развалившейся стены. Эта стена осталась от склада или сарая, который раньше был на этом месте. Наверно, Бог эту стену сохранил для нас, чтобы она нас защищала от ветров, которые дуют в это время в горах.

Когда меня выпустили, я прихожу на квартиру – а хозяйка плачет. Я спрашиваю: «Что случилось?» А она рассказывает, что приехал самосвал, и мою семью, как мусор, туда побросали. Начальник милиции бежал, орал, как одержимый. Я поехал в милицию, а помощник начальника мне говорит, что этим командует полковник Федоров, и его сейчас

нет. Я стал ждать, когда он появится, чтобы спросить, куда увезли мою семью. Он пришел, я его спрашиваю: «Где моя семья?» А он говорит: «Найдешь, Бог тебе укажет». В отделении был капитан, который мне симпатизировал; и когда я вышел из здания, он сказал мне, что сможет отвезти меня к моей семье – только мне надо подальше отойти, чтобы он смог меня незаметно забрать. Я отошел, как он просил, и он подобрал меня и повез к семье.

И вот мы подъехали к ущелью... Капитан объяснил мне, что здесь – родина змей; и когда поднимается солнце – все змеи тысячами выползают на камни и греются, у них теперь как раз свадебный сезон. Рассказал – и поехал домой...

Я иду – ночь, темно... И вдруг слышу завывание моей матери. Она плачет во весь голос, дети плачут. Я подхожу к ним все ближе. Они увидели меня, и я говорю всем: «Ну, что же вы плачете? Смотрите, какое хорошее небо Бог нам подарил, двор такой большой – все для нас».

Мы просидели до утра, помоли-

лись – и стали обживать. Я успокоил свою семью и сказал, что Бог всегда с нами. Когда вышло солнце – мы увидели выползающих змей, их было очень много. На возглас мамы: «Коля, смотри, сколько здесь змей!» – я говорю: «Не бойтесь, они нас приветствуют. Они думают, кто тут поселился на их территории? Не бойтесь, они нас любят и не тронут. Господь послал Ангелов охранять нас – и никакая змея нас не укусит, только не бейте их палками и не наступайте на них».

И вот мы сидим – а они выползают, выползают, потягиваются, как спортсменки... Вытянулись, повздыхали, проснулись. Мы решили развести костер, и я пошел за дровами. Впереди я заметил ограду и подумал, что это виноградник. Но когда подошел ближе, то увидел, что эта ограда высотой с человека – живая! Это были переплетенные живые змеи. Их тысячи, и мы в этом окружении! Я потерял сознание. Они не укусили меня – просто от усталости и от удивленного я отключился... И мы стали

палок, насушили соломы, наносили травы и спали не на полу, а на кроватях – цари так не спали, как мы. А змеи залезали к нам под кровати и жили вместе с нами. И Бог охранял нас. Детки очень похудели. Никто из верующих не принес нам ни куска хлеба – церковь была закрыта, и все боялись. Все знали, что я под усиленной охраной, и никто к нам не ехал. Мы много молились; и когда я подходил к детям, они меня спрашивали: «Папа, ты не устроился на работу?» Я отвечал: «Денежек нет, и хлебушка нет. Давайте Господа просить».

Наши дети очень искренне молились: «Господи, мы хотим, чтобы наш папа устроился на работу, чтобы у нас был хлебушек – мы так по нему соскучились...» Наша бабушка умудрялась готовить что-то из ягод кислицы и того, что росло поблизости. Ночью я уходил молиться на самую высокую гору и говорил: «Господи, сколько у Тебя было любимых мест для молитвы: и в Гефсиманском саду, и у подножия Елеонской горы! И

нас когда-то и сказала мужу, что мы хорошие люди. Она стала помогать нам, посылая ночью личного шофера со служанкой, приносившей нам хорошую еду и оставлявшей ее у ворот. Они быстро уезжали, так как тоже боялись. Представьте себе – дети молятся, просят: «Господи, дай нам хлебушка» – и, когда открывают глаза, то видят узелок с едой! Вот так Бог обеспечивал нас едой.

Потом Бог послал черепах, тропа которых проходила через наше жилище. Дети ловили их, укладывали в корзинки и носили продавать курортникам. Живые сувениры пользовались огромным спросом. Таким образом у нас появились деньги на питание.

Можно сказать, что мы привыкли к этим условиям, акклиматизировались. Про эту историю узнали во всем Союзе. Приехала делегация со Львова, и львовские братья нашли меня и привезли средства для дальнейшей жизни. Когда наступили холода – приехал мой друг Кобзарь, чтобы забрать нас (а сам он был на таком же учете – его арестовывали, сажали, у него было восемь детей). Я пришел в милицию за документами, без которых я никуда не мог выехать. Я не знал, где жить дальше. В Краснодаре нас не прописали, и детей в школу не приняли. Куда ехать? Я поехал к теще. Когда в последний раз я уезжал оттуда, КГБ предупредило: «Не дай Бог, если тебя примет хоть одна община». И ни одна община меня не приняла.

Прожив там восемь месяцев, мы возвратились на Северный Кавказ. Мои друзья мне сразу работу нашли – заведующим фотопортретных цехов по Северному Кавказу и Ставропольскому краю. Я работаю – и в то же время проповедую, происходит масса покаяний.

В 1964 году я приезжаю в Геленджик в командировку, чтобы закупить фототовары. Я стою, смотрю на море: здесь проходила моя «шлифовка». Смотрю на гору, куда я с плачем поднимался на молитву... И вдруг чувствую, что меня кто-то по плечу хлопает. Я поворачиваюсь – а это начальник милиции, стоит и говорит мне: «Николай Кириллович, а ты как попал сюда?»

там жить. Оказалось, что змеи – общительные, и если ты их не трогаешь – то они на тебя никогда не нападут.

Когда настали холода, нам помогли. Начальник порта привез столетние дубовые ворота, которые стояли в порту и еще тысячу лет могли бы стоять. Обе створки ворот вкопали в землю и сверху накрыли брезентом. Теперь мы были защищены от дождя и ветра. Мы сделали кровати из

у меня есть место для молитвы...»

Я первый раз поднимался на эту гору два часа; и когда спустился, то у меня ноги отнимались. Потом я начал постоянно туда подниматься для молитвы. Только в бурю и в дождь я оставался внизу и, не сдаваясь, молил Господа: «Ты, Господи, видишь – надо мной ад... Дай, чтобы я не пал». И Господь делал чудеса.

Жена начальника КГБ видела

Я говорю: «Михаил Дмитриевич, приехал по работе, а сейчас на море смотрю: какое же оно красивое – синее, голубое. Хочется дышать и радоваться. И в то же время становится страшно, когда в бурю все это превращается в грязь, и море выбрасывает всю нечисть на берег. Так и море жизни. Вот когда вы меня отправили к шакалам и змеям, вы сказали: «Будет трудно – приходи, мы поможем». Тогда я вам ответил, что я никогда к

горск. Уставший, переживший великие Божьи благословения, я проспал всю дорогу в автобусе – и проснулся уже в Пятигорске. После выхода из автобуса ко мне подошел человек с перевязанным глазом из КГБ и объявил: «Вы арестованы, пройдемте к машине. Где ваши вещи?» На рассвете меня привезли в КГБ. Меня не арестовали ни в Геленджике, ни в Новороссийске, ни в Краснодаре, а избрали для этого Пятигорск.

вам не приду. Вот высокая гора, туда я поднимался и молился Господу. И мой Господь давал мне силы преодолеть все ужасы того времени».

Он стоял и внимательно слушал. Потом сказал: «Слушай, возвращайся в Геленджик, врагов твоих уже нет». Я посмотрел на него, а он продолжал: «Ты думаешь, я твой враг? Я друг твой! Если ты остался жив и ноги твои не пухли – это потому, что моя жена передавала вам еду. И сегодня она хочет увидеть вас всех и обнять!» Я спросил его: «Михаил Дмитриевич, каким бы ты меня хотел видеть сегодня?» Он ответил: «Тем, которого мы знали. Держись, не отступай! Не погиб ты тогда – держись и сейчас».

Когда я приехал в Новороссийск из Геленджика, то провел евангелизацию – там греки любили слушать проповедь, каюсь из них очень много. Когда приехал в Краснодар – там то же самое; после, возвращаясь домой, решил завернуть в Пяти-

В отделении отобрали все вещи, выдернули шнурки, пояс, отрезали пуговицы и бросили меня в глубокую яму. Это было восьмизэтажное здание, и столько же этажей вело вниз. В этой яме – темнота, мрак, сырость, холодная вода... Я сижу и молюсь. Не понимаю – ну ради чего меня сюда бросили? Почему? Как? И в этой яме я просидел пять дней. Никто ко мне не приходил, еды мне не давали. На пятые сутки меня решили поднять. За это время они обо мне запросили все данные, получили материалы. Приехал начальник КГБ, прокуроры, люди с киностудии и телевидения. Все говорят про меня, что поймали злодея. В яме было темно, а тут много света – меня немного качало, я сразу к стенке прислонился и стою. Начальник КГБ зло говорит: «Я думал, старика какого-то арестовали, а здесь молодой, красивый, в Бога верующий, запугивает всех адом, возвращает наших советских граждан».

Я взмолился тогда: «Господи, Ты

сказал: «Не заботьтесь, о чем говорить»». Я вижу – меня здесь снимают, записывают каждое мое слово, потом покажут где-нибудь. Чего только дьявол мне ни предлагал, чего только мои уши ни слышали! Стали давить мне на психику, пытались вызвать к себе жалость: «Ты у нас как сыр в масле будешь кататься, мы тебе откроем выезд за границу, нам нужны такие люди. Мы создадим тебе лучшие условия, предоставим машину, охрану». А я думал: «О, лукавый, сколько раз ты мне это пел! Хоть бы текст поменял!»

Когда я стоял перед ними, мне вспомнилась басня Крылова, в которой Бог вороне послал кусочек сыра. Видя ее, голодающую, Бог не послал ей в пищу дохлятину какую-то, а сыр... Я сравнил свою ситуацию с басней Крылова. В комнате сидели восемнадцать человек, и они ждали ответа.

Я говорю: «Знаете, когда вы мне все это обещали, я вспоминал басню Крылова и думал над ней. Не знаю, сколько времени ворона просидела с сыром, который Бог ей послал. Казалось бы – ешь на здоровье, голубушка, подкрепляйся. Ан нет – дьявол тут как тут. Поэтому не искушайте меня. Я евангелист и проповедую Слово Божие, не трагьте на меня время». И вот когда я им это говорил, вся любовь их ко мне пропала – ибо я не хотел быть подобен этой вороне. Они кинулись ко мне, схватили за волосы и начали пинать ногами, обзывая при этом фашистом. А потом сфотографировали – полуживого, лежащего с закрытыми глазами, и поместили эту фотографию в газету «Кавказская здравница», которая известна по всему Кавказу. В этой газете про меня написали, что пойман проповедник, который пытался ограбить в автобусе женщину, чтобы представить меня преступником и опозорить перед всеми.

После этого мне предъявили ордер на арест и забрали в подземную тюрьму. У них появился злой умысел – погубить меня любой ценой. Начали подсовывать мне какие-то документы, чтобы я подписал их. Я ответил, что ничего и никогда подписывать не буду. Тогда начались пытки – меня привязали к стулу, а

руки положили на стол, где под каждую подушечку была выемка. Поверх стола оставались только средние пальцы на левой и на правой руке. И когда ударили молотком одновременно по фалангам средних пальцев – я сразу потерял сознание, и мои скулы сжались так, что мне потом делали укол, чтобы расслабить мышцы. А когда мне разжали челюсти, то я начал выплевывать зубы. От такой боли может наступить разрыв сердца. Но я опять выжил – с помощью Божией. Они уже не знали, что со мной делать... Меня бросили в спецкамеру под названием «музыкальная шкатулка», где даже самые сильные люди больше пяти суток не выдерживают – с ума сходят или подписывают все, что бы им ни предложили.

Когда я там очутился, то уже ничего не мог соображать – где я, что со мной делается. В этой камере всякие свисты, стенания, вопли, скрежетания, завывания – можно подумать, что там собралась вся преисподняя! В первую же ночь мои черные волосы поседели... Я просидел в этой камере полтора месяца. Мне сказали, что никто за 27-летнюю историю этого здания, отсидев столько времени, не вышел оттуда психически здоровым. Это было самое настоящее чудо! Я молился там день и ночь, иначе бы сошел с ума. Я вопил к Богу – и слышал ангельское пение. Я мурлыкал что-то, а хор Ангелов мне подпевал. Все это было непохоже на реальность. Бог меня сохранил, и меня выпустили из этой камеры. Я слышал разговор палачей: «Действительно Бог с ним!»

И тогда последнее, что они делают – бросают меня в 37-ю камеру, где сидят убийцы; все они наркоманы и находятся под следствием. Когда я зашел туда, у меня было ощущение, что я попал в крошечный ад. Стены были исписаны хулениями, проклятиями, обгажены; а люди – словно одержимые.

Все 37 человек встали и смотрят на дверь. Дверь закрыта. Зашел один – а в камере двое. Тот, который раньше меня зашел, посмотрел каждому в глаза, окинул взглядом стенку, решетку – и тихо исчез. И такой страх напал на них – они по-

думали, что это Ангел. И ко мне за всю ночь никто не подошел, и даже не разговаривали со мной.

И вот я снова взмолился Богу. Там были люди в адских муках. Там был один юнец, который зарезал свою родную мать. Он с ума сходил – призрак матери всегда был перед ним. Он орал. Сокамерники брали его за руки и ноги – и с размаху били головой об стенку. Юнец терял сознание, потом приходил в себя – и начиналось все снова... Увидев это, я подумал: «Господи, люди испытывают такие адские муки уже здесь, на земле. Что же будет, когда они умрут и опустятся туда, в настоящий ад?» И я молился, я молился все время. Бог научил меня там молиться – круглосуточно и непрерывно...

Я хотел умереть. Я так просил у Господа смерти, я хотел к Нему! Но Он не забрал меня, Он просто приоткрыл мне как бы экран моей жизни – и я ужаснулся. Там было все отмечено: это я не сделал, туда я не пошел, туда не поехал. И Бог спросил меня: «С чем же ты придешь на небо? Что ты скажешь Мне?» И я пришел в ужас. Я просил прощения и давал обещания: «Если Ты, Бог, меня выведешь отсюда, то я буду до последней капли крови служить Тебе, буду послушен Тебе, верен Тебе. Прости, я больше не буду просить себе смерти». Тогда Бог увидел мое искреннее покаяние и сказал мне: «Я выведу тебя отсюда». Я попросил в молитве: «Прежде, нежели я умру, дай мне речь, чтобы засвидетельствовать всем преступникам в этой камере о Твоей божественной любви».

И утром, после прогулки, Бог дает мне нужные слова. Перед завтраком в десять часов заходит врач, который кормит всех. Я стою и молюсь, преступники бродят по камере. И вдруг Господь встряхнул меня, и я сразу почувствовал, как будто в меня сила вошла, как будто меня накачивают. И я робко так закричал: «Разбойник Орландо!» Когда я произнес эти слова, у меня было ощущение, будто я дунул на всех – и их, как пух, задуло в угол.

«Заброшен в темницу за ряд преступлений, он должен сразиться один на один без оружия со львом. Так Цезарь решил и прибавил при-

том: «А если ты льва на потеху народу задушишь руками, иди на свободу». Плохая надежда? Нет! В эту же ночь на свободу! Бежать надо прочь, и пускай крестьяне стоят, как ягнята. Меня же боялась страна вся когда-то».

И вот я до этого момента дошел, а один человек, Лева из Карачаево-Черкесска, стенает и плачет. И

тут старческие слова: «Нас четверо здесь. На арену с тобою завтра ведут нас к смертному бою. Не мне, старику, умирать тяжело, а зять мой, сын мой, дочь – молодые. Им бы работать на Божьей ниве, – и старческий голос с мольбою умолк. – Вот это мой сын малодушный, что пользы в рыданиях? Не знаешь ты счастья минуты в страданиях. Костел языческий, в нем ты рос, но ныне тебя призывает Христос».

При этом Лева с грохотом упал на пол. А на него, как куча дров, повалились все остальные. И все голосяты на разных языках: осетины, черкесы, татары, калмыки, грузины, армяне. Когда они упали в этом

вопле, мне сразу все стало понятно. Я молюсь, а они – разве это не чудо? – тоже начали молиться.

Примерно до пяти часов вечера продолжалось покаяние – куча тел, реки слез, крики... За дверью думали, что они меня терзают. Открывают волчок. «О, ужас! Слушай, они в одной куче, а он стоит тут рядом. Слушай, это хиромант какой-то. Что

он наделал? Почему они так орут? Отказались от завтрака, обеда, от всего». Вопли продолжались. И уже когда Бог дал мне силы, я подошел и начал их успокаивать: «Да благословит вас Господь, да поможет вам Господь, да услышит ваш рев и крик Господь».

Тридцать семь человек меня спросили: «Кто ты, Ангел?» Они видели Ангела, а я не видел. Они мне сделали трибуну, чтобы я говорил им. Вот тогда уже Бог дал мне слово рассказать им о том, что Он любит их, и что Он забросил меня сюда, чтобы им покаяться перед Богом.

Я был пять дней в этой камере, и за пять дней Бог исцелил всех от

наркотиков. Собрались врачи, и приехала комиссия из Ставрополя на встречу со мной: «Николай, помогите, у нас и на воле наркомания. А вы, оказывается, большой специалист». А я отвечаю: «Это не я, это Иисус сделал. Вы не приписывайте это мне. Он сделал это, чтобы спасти 37 грешников». Вот это было чудо!

Когда меня пришли забирать оттуда, мои новые братья по вере встали стеной и не хотели меня отпускать. Я тоже объявил, что не выйду: «Вы бросили меня сюда, а мне тут хорошо, я тут остаюсь». Пришел сам начальник режима и предложил мне выйти. Я сказал всем: «Друзья мои, все же мне надо идти, потому что я, как и вы, под следствием. Я вас полюбил и очень рад, что вы poznали Господа, что ваша 37-я камера превратилась в молитвенный дом. Слава Богу! Многие из вас скоро получают большие сроки, и я хочу за вас помолиться». И нас снова закрыли, и я молился за них.

Потом, когда я вышел, приехала еще одна медицинская комиссия. И говорили: «Это чудо – то, что он делает». Я говорю: «Нет, чудо то, что Бог делает через меня и через тех, кто забросил меня туда. Это был Его план, Его воля, и я очень рад, что Христос им помог. Христос им открылся! Я благодарю Господа».

После этого меня много раз бросали в общие камеры, и многие заключенные исповедовались перед Богом. Так Бог меня провел через эти испытания.

Я находился под следствием полтора года. И вдруг из Москвы приезжает комиссия, два человека от Генерального прокурора Союза и корреспондент газеты «Известия». Они навели обо мне справки, все узнали и пришли на встречу со мною. Я смотрю – они меня куда-то готовят, и спрашиваю: «Куда вы меня готовите? По обвинению?» Они говорят: «Нет, на свободу».

Все это делал мой Господь. В это время у ворот стояли пятьсот человек с плакатами: «Выпустите нашего брата». Мне сказали, что меня будет судить Верховный суд, потому что только он может меня освободить. Через 10 дней меня привезли на суд, и я удивился, что ни моей

семьи, ни моих друзей не было в зале, а только сопровождающие меня майор, капитан и заседатели. Я услышал приговор: «За неимением состава преступления немедленно освободить из-под стражи. За все полтора года выплатить средний заработок».

Так я вышел на свободу. Когда очутился на улице – начал плакать. Обычно я никогда не плакал, а тут слезы благодарности вознеслись к Богу. Слава Богу! Слава Богу, что я свободен! Это милость Божья! Меня нашли мои братья и на машине отвезли домой, а дома у меня несли дежурство другие братья во Христе: осетины, грузины, армяне, черкесы, чеченцы. Они семью мою охраняли. Вот такая охрана от Господа! Слава Богу, я дома!

Но за полтора года я разучился нормально спать и, бывало, сутками не спал. Дома у меня отнялись ноги и руки, я начал распухать. Все думали, что это конец, но весь Кавказ молился за меня днем и ночью. И через две недели Бог поднял меня с постели. Через две недели я приехал в церковь, где раньше трудился, но меня там не приняли. Уже пошла «перековка» с другой стороны. Это гораздо тяжелее, но Бог дал сил все это выдержать. И это было начало, а не конец. Меня выслали в Ростов, а оттуда – в Прибалтику. Мы путешествовали всей семьей, Бог нас держал в Своей всемогущей руке. Из Прибалтики – в Грузию, из Грузии – опять в Прибалтику, а из Прибалтики – в Украину, и вот я в Одессе.

Бывший вор в законе по кличке Москва – в Одессе... Бог продлил мне жизнь, дал служение. Я благодарю Господа за все Его милости, ибо за это стоило бороться, и стоит за это жизнь отдать. Так что не унывайте, Иисус с нами, а где Иисус – там радостью все дышит. Я прошел через многое и не жалею об этом, потому что Иисус Христос всегда был со мною.

Николай Кириллович
Иванников, пастор
церкви «Вифания»,
г. Одесса,
декабрь 2001 г.

Как больно, подводя годам итоги,
Мне видеть, что должна я очень многим.
Нет, деньги у людей я не брала,
Но я для них неправильно жила.

Я, как Закхей, на дереве сидела
И на происходящее смотрела.
Но мне Христос сказал: «Слезай скорей!
Иду Я в дом твой. Принимай гостей!»

И до сих пор я помню этот вечер
И в своем доме с Иисусом встречу.
Немного слов из уст Его святых –
И все
 перевернулось
 в краткий миг!

Я поняла без слова укоризны,
Что для себя я прожила полжизни.
Теперь сундук свой распахну смелее –
И поспешу раздать все побыстрее.

Быть должником нельзя Господню чаду,
И сердцу моему трудиться надо,
Чтоб вчетверо оно отдать стремилось:
Любовь, доверие, прощенье, милость.

Теперь себя испытываю строго,
Но все равно долгов еще так много.
Я тороплюсь (мне время Бог отмерил) –
От этого крыльца
 пойду к той двери.

Долги

Светлана Теребилина